

СВЕТЛАНА СЕРВИЛИНА

НОВЕЛЛЫ

ТОНКАЯ РЯБИНА

Светлана Сервилина
Тонкая рябина. Новеллы

«Издательские решения»

Сервилина С.

Тонкая рябина. Новеллы / С. Сервилина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834366-7

Испытания в жизни — наказания или лишь экзамен на прочность? Как же трудно идти с высоко поднятой головой, если тебя предадут самые близкие люди. А спасает только любовь — пылкая и безграничная. Она дает веру и силы, чтобы преодолеть причудливые виражи судьбы. Двенадцать новелл — двенадцать судеб, таких разных и одинаковых в неизменном желании быть счастливыми и найти свой путь. «Тонкая рябина» — сборник, включивший в себя повествования о простых и в тоже время удивительных людях.

ISBN 978-5-44-834366-7

© Сервилина С.
© Издательские решения

Содержание

По жизни с любовью	7
Когда кончается детство	22
Оставленная книга	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Тонкая рябина

Новеллы

Светлана Сервилена

© Светлана Сервилена, 2016

© Николай Красненко, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-4366-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СВЕТЛАНА СЕРВИЛЕНА

Эта книга – итог работы нескольких лет. Судьбы близких людей, пропущенных через себя. Чувства, пережитые мной и вырвавшиеся наружу. Я бесконечно благодарна за помощь и поддержку мужу, дочери, маме и моим подругам.

По жизни с любовью Посвящаю маме...

*Я решил пройти по жизни с любовью.
Ненависть – слишком тяжкое бремя.
Мартин Лютер Кинг*

Лето 1979

Автобус притормозил, открылись гармошечные двери, и на одинокое шоссе выпорхнула симпатичная девушка, с любопытством оглядываясь по сторонам. Резиновые края дверей вновь плотно сомкнулись, громко чмокнувшись друг об друга, а пассажирка прощально и благодарно махнула рукой водителю. Чихнул старый двигатель, автобус уехал, оставив за собой пыльный шлейф.

– Вот моя деревня, – прошептала девушка и двинулась в сторону села, время от времени, меняя поклажу в руках. Спортивная сумка была тяжелой, а модный пакет с фотографией картины «Джоконда» был почти пустой. Хозяйка очень дорожила им и боялась порвать или поцарапать. Она усмехнулась своим воспоминаниям, с каким трудом она уговорила своего однокурсника – студента из Йемена продать этот заграничный атрибут! Новые джинсы французской фирмы «Маше» обтягивали стройные ноги, и завершал модный «прикид» юной особы – яркая футболка с вышитой надписью «US ARMY».

«Красивая», – подумал молодой тракторист, высунувшись по пояс из кабинки, толи про футболку, толи про барышню. Желто-зеленые крыши крайних домов села были уже рядом, когда девушка, предвкушая скорую встречу с родными, прибавила шаг.

«Интересно, что это за лишай такой растет даже на шифере? – мелькнула мысль. Вдруг она остановилась, резко повернулась направо и, перекинув тяжелую сумку через плечо, пошла в сторону кладбища.

– Не буду изменять традиции, – решила она.

С трудом открутив толстую ржавую проволоку от столба, она открыла дощатую дверь деревенского погоста и пошла знакомой тропинкой между бугорков потрескавшейся земли с деревянными и железными крестами к знакомой могиле в самом углу кладбища.

– Здравствуй, папа, – тихо проговорила она и поцеловала выцветшую фотографию в центре скромного памятника.

Он ей всегда улыбался, ее молодой нестареющий отец с пышным чубом волнистых русых волос, в спортивной тенниске, к рукаву которой прижимался кусочек ткани с рисунком из фиалок. Она знала, что это кусочек ее платица. Лет десять назад она рассмотрела цветочки на краю фотографии и спросила у бабушки:

– Что это?

Оказалось, что делали портрет на памятник из семейной фотографии, вот и увековечился кусочек детской фланельки на этом скорбном месте. Но Светочке это было почему-то приятно, что именно ее платице всегда с папой, а, значит, и она, его единственная дочка, рядом с ним...

Лето 1962

Катерина ловко закатала сатиновое платье, обнажив загорелые ноги, опустила ведро с водой на следующую ступеньку и принялась мыть крыльцо. Ей нравилось, когда доски становились желтыми от металлической терки, пахли деревом и хозяйственным мылом, поэтому драила сильно, с «комсомольским задором», как она сама любила говорить. Сильные руки обхватили сзади ее за талию.

– Мишка, ты меня напугал, проказник! – она шутливо показала ему кулак.

Муж схватил в охапку молодую женщину и поцеловал.

– Котенок, я так соскучился!

Катерина обняла его за шею, подушечками пальцев, сморщенных от воды, погладила щеку:

– Я тоже, родной, очень-очень... Ты уже с работы? Хочешь есть?

Михаил поцеловал ее пальцы и поправил выбившуюся из-под платка прядку темных волос.

– С работы, – он оттянул расстегнутый ворот рубашки и подул вовнутрь, – жара сегодня какая!

– Ага, – хмыкнула Катерина.

– А давай сбегаем на речку и искупаемся? Заодно, аппетит нагуляем, а? – он с надеждой посмотрел на молодую жену.

– Давай! Только я домою ступеньки, а ты пока мать предупреди. Она там, в огороде со Светочкой.

Муж пошел по двору, крича по дороге на разные лады:

– Маааама!

Оттуда, из-за деревьев, донеслось в ответ:

– Мишка, ты че, сказывся? Орешь, как оглашенный!

Катерина счастливо засмеялась. Она обожала своего мужа – веселого, озорного, ласкового. Даже не видя их встречу, знала, что он сейчас подхватит мать, закружит ее, она любовно шлепнет ему подзатыльник, вытрет о фартук «белый налив» и сунет любимому сыночку. Катя любила свекровь и восхищалась ее житейской мудростью. Мария Ивановна умело вела хозяйство, воспитывала детей и внуков по уставу Домостроя, делая незаметные поправки младшему Мишеньке, а теперь и внучке Светочке. Наполовину украинка, в разговоре, она перемешивала русские и украинские слова, но все ее понимали, а порой и побаивались, но только не эти двое. И хоть Свете было полтора года, она уже пользовалась преимуществами перед другими внуками. Катя забежала в хату, наскоро причесалась, сняла домашнее платье, быстро надела купальник и сарафан и выбежала на веранду. Михаил уже стоял у крыльца с дочкой на руках. Он щекотал ее пухлые щечки, Светочка заливалась от хохота и тоже пыталась щекотать отца.

– Что тебе принести, цыпленок? – спросил он у дочери, зная, что за обещанный подарок она отпустит родителей без слез «по делам».

– Кавунчик... и... мячик, – ответила девочка, мешая, как бабушка, русский и украинский.

– Есть! – шутливо ответил отец, отчего девочка опять захохотала.

Он поставил ее на землю, повернул лицом к огороду:

– Ну, беги к бабушке! – и мягко хлопнул по попке. Светочка побежала, разнося на весь двор:

– Бааабуууляяя!

– Беловская порода! – забирая непослушные волосы в «улитку», смеясь, сказала Катерина.

– Да, мы – такие! – озорно подмигнул Михаил, открыв калитку и пропуская жену впереди себя.

Молодые супруги, обнявшись, пошли на пляж.

На реке было шумно и весело. Летний зной стал понемногу спадать, и народ хлынул к спасительной влаге. Мальчишки с облезлыми носами без устали ныряли с края деревянной лодки, дразня друг друга. Пожилая дама, явно приезжая, чинно листала свежий номер журнала «Работница». Под одичавшей яблоней расположилась стайка студентов, приехавших собирать

помидоры в колхоз. Михаил уже по дороге начал раздеваться, чтобы, подойдя ближе, с разбегу прыгнуть в воду. Катя еще не дошла до берега, а пятки мужа уже мелькнули среди плещущих мокрых тел. Она аккуратно сложила одежду и зашла в прохладную воду. Катя хорошо плавала, как настоящая волжанка, с детства привыкшая к реке, тем не менее, всегда восхищалась мужем. Он не просто плыл, а как-то изящно скользил в воде, взмахи рук четко разделяли потоки воды вдоль его тела. Доплыв до Михаила, она оперлась на его блестящее от влаги плечо, и он ее покатило, сильный, красивый, надежный.

– Сегодня вечером пойдем к Куприянам! – между взмахами сообщил он. – Слышь, Катюш?

– А мать с отцом не обидятся? – хлебнув нечаянно воды, спросила она и тут же струйкой выпустила ее изо рта.

– Да что мы, дети что ли? Вечерами сидеть со стариками? Женаты почти три года, и все отпрашиваемся, как студенты! А, – махнув головой, Михаил нырнул, потом выпустил фонтанчиком воду и добавил, – теперь и студенты не отпрашиваются... Вот вернусь из командировки и начну дом строить! Будем жить отдельно от родителей!

Катя, испуганно взглянув на мужа, замерла.

– А мать? – потом озорно глянула на мужа. – Мишка, правда? Свой дом? Мишка, как же я тебя люблю!

На берегу, он заботливо обтер ее гладкую кожу: спину, руки, шею...

– Катюшка, я знаю, что ты любишь моих родителей, но ведь хочется быть хозяйкой в доме? Хочется? – он наклонил голову и хитро посмотрел на жену. – Скажи честно!

Она мечтательно посмотрела в его сумасшедшее-синие глаза и кивнула:

– Хочется.

Они взяли за руки и пошли домой, заговорщицки молча, обдумывая сказанное. По дороге, молодые супруги сравнялись с двумя женщинами, гнавших коров с налитым тугим выменем домой.

– Здравствуйте, тетя Нюра, здравствуйте, тетя Даш.

Михаил весело пошлепал рыжую корову по спине.

– Добрый вечер, молодежь! – дружелюбно ответили женщины.

– Михаил, у меня сепаратор чет барахлит, ты не глянешь? – одна из женщин тронула за руку, обходившего ее парня, и настойчиво повторила вопрос. – Не глянешь, сынок?

– А можно завтра, тетя Нюр? А то мы с Катей в гости собрались...

– Да хоть послезавтра, лишь бы заработал!

– Я зайду! – уже обогнав, весело крикнул молодой мужчина.

– Вот ведь Мане повезло, не парень – клад! Такой сын хороший вырос! – пожилая женщина повернулась к попутчице.

– Да, Беловы от горя как заказаны. И Степан с войны живой и здоровый вернулся, и дом – полная чаша, и три сына – все работающие какие, – согласилась вторая, – особенно самый младший – Мишка!

Во дворе у стола суетилась Мария Ивановна. Она поставила большую миску с нарезанным душистым хлебом и обернулась, услышав звук щеколды.

– Сидайте вечерять, – улыбнулась она, – проголодались? Мишка, а ты с работы ще и не ешь!

– Мам, мы к Витьке Куприянову сегодня в гости идем. Они нас ждут, а его Татьяна пироги напекла! – чмокнув в затылок мать, Михаил взял со стола огурец, смачно хрустнул и добавил, – Ты не обижайся!

– Степан, ты слушаешь? Они уходят, – женщина развела руки, – для них мать уже не такы пироги пэче...

– Мишка! Молоко на губах не обсохло, мать обижать. Вожжами вдоль спины давно не получал! – отец шел от рукомойника, повесив на жилистую шею вафельное полотенце.

– Бать, ты меня хоть при жене не позорь! – укоризненно глянув на отца, Михаил повернулся и резко пошел к воротам.

По дороге он остановился на мгновение и крикнул в сторону дома:

– Кать, я тебя на улице подожду!

Потом повернулся и посмотрел на отца, остановившегося посреди двора и смотревшего вслед сыну.

– Завтра в командировку уезжаю, через неделю приеду, поговорим, – голос Михаила дрогнул.

Он очень любил их, этих стариков: строгого отца, никогда не сидевшего без дела, мать, спокойную, понимающую, самую добрую... Но сейчас он принял решение. Ничего, подумал он, они поймут. Молодой мужчина опустил голову и виновато добавил:

– Дом себе буду строить!

И он быстро, не оглядываясь, пошел к воротам.

– Катерина, как тебя ученики любят, просто страсть, – Татьяна возилась у керосинки, убавляя пламя, – а я вот жареху из судачков сделала, – открыв крышку, сказала она и вдохнула запах жареной рыбы с картошкой.

Катя тоже заглянула в большую чугунную сковороду:

– Ах, какой аромат! – и вернулась резать салат.

Таня вытерла полосатым полотенцем руки и под села к госте.

– Вчера Васька, Витин племянник, приходил к нам. Так все уши прожужжал:

«Катерина Пална, Катерина Пална». Талант у тебя, подруга, раз эти охламоны так тебя уважают. Я бы в школе работать ни за что не смогла: дети орут, начальство ругается, родители надоедают, – она махнула рукой, встала и, взяв деревянный прихват, поставила сковороду на стол, потом сняла фартук, – зови мужиков, хватит им курить.

– А еще прибавь ежедневную подготовку к урокам и проверку тетрадей, Танюш, – молодая женщина по-доброму усмехнулась, – а я все равно люблю свою работу. Знаешь, придешь в школу, войдешь в класс, а на тебя смотрят двадцать пар детских любопытных глаз. И сразу обо всем забываешь, все проблемы уходят на второй план.

– Ой, Катя, какие у тебя-то проблемы. С таким мужиком тебе любая баба позавидует! – Татьяна опять села рядом, поправила в волосах гребенку.

– Вот именно! – Катя резко поднялась из-за стола и стремительно направилась к выходу.

– Кать, стой! – Татьяна подошла близко. – Что-то случилось? Может Мишка изменяет?

– Да с чего ты взяла? Не изменяет он, но некоторые бы этого хотели, – она отчаянно махнула рукой, – Танюш, не хочу на эту тему говорить, пойду звать ребят к столу.

– Нет, уж постой, успеем, позовем, – Таня выглянула из дверей, – они тоже там калякают. Кать, че, Верка на шею вешается, да?

– Ну, вроде как заигрывает, – Катерина отвернулась к окну, – а мне, знаешь, как неприятно...

– Ну, ты даешь, кому ж приятно будет, когда твоему мужику глазки строят. У, сучка! У них же до тебя чет было, а ты в село приехала, Мишка ее бросил. Ой, да там и кроме Мишки твоего полсела побывали...

– Ну, ладно, хватит, Тань, посплетничали. Просто Миша... он такой... он же всем улыбается...

– А че ж, волком на всех смотреть, что ли?

– Да нет, Тань. Вот твой Виктор, он – строгий, она б ему глазки не строила, – с обидой проговорила молодая женщина и отвернулась.

Татьяна подошла к подруге и обняла ее.

– Это не Виктора бабы боятся, а меня. Я любой космы выдерну за своего мужика, а ты у нас – интеллигенция!

Они засмеялись.

– Витя, – хозяйка выглянула во двор и громко крикнула, – не забудь принести из подвала пол-литра! Идите уже, а то ужин остывает!

– Девчонки, мы идем! – Миша направился к летней кухне. – И гитару захвати, Витек! – обернувшись, крикнул он другу.

Потом перешагнул через порог и подмигнул жене.

– Попоем?

Звезды, как яркие неподвижные светлячки, мерцали прямо над головой. Сверчки, не умолкая, недружно слились в едином хоре. Деревня погрузилась в сон, погасив свои окна, как усталые глаза. Счастливые супруги шли из гостей, обнявшись.

– Как я без тебя целую неделю буду... Мне уже грустно, – расстроено проговорила молодая женщина, легонько прижавшись к мужу.

– Котенок, – муж прошептал ей в самое ухо, – я скоро приеду, а ты даже не успеешь соскучиться!

Михаил обнял жену и притянул к себе:

– Давай на лавочке немножко посидим, как раньше?

Она согласно кивнула, и они сели под домом на самодельную скамейку из двух нешироких досок. Пахло шиповником, что раскинулся пышным кустом у самых окон дома Беловых. Домочадцы спали, где-то заливались на разные лады собаки, во дворе соседского дома слышались приглушенные голоса.

– Миш, – Катя запнулась, поправила волосы и с надеждой посмотрела на мужа, – ты мне не изменяешь?

Михаил ласково взял ее за плечи, внимательно посмотрел в глаза и вздохнул.

– Ты бери пример с матери – она никогда не слушает сплетни. Добрый человек не станет говорить гадости, а злого – надо сторониться и не слушать, что он там сочиняет...

– Нет, Миша, никто мне ничего не говорил...

Она прижалась к нему, провела ладонью по русым кудрям.

– Просто, ты у меня такой красивый, – она вздохнула, – какая шевелюра и глаза: синее неба!

Михаил бесшумно рассмеялся, обнажая крепкие зубы.

– Ну, если дело только в этом, так не печалься, женушка, пойдем спать, завтра рано вставать.

На цыпочках друг за другом, скрепя половицами, они вошли в хату. Все крепко спали. Из комнаты родителей раздавался мирный храп отца. Катя подошла к кровати дочери и наклонилась, чтобы ее поцеловать. Лунный свет из окна освещал девочку, которая улыбалась во сне и напоминала ангелочка с картины Рембрандта. Михаил тоже наклонился над спящей дочкой, нежно чмокнул ребенка и потянул жену к кровати.

Когда Катерина проснулась, мужа рядом не было. За окном уже всю шумела деревенская жизнь, кто-то звонко бряцал цепью.

«Воду из колодца достают», – подумала, потягиваясь, Катя.

Дочка еще спала. Молодая женщина тихо вышла из дома и зажмурилась от ослепительного солнца. Потом перевесилась через поручень крыльца, чтобы посмотреть, кто возится у колодца и, удивленная, стала протирать глаза. Там стоял какой-то незнакомый мужик. Лысый.

«Призывник, что ли?», – пришла в голову мысль.

В это время незнакомец повернулся к ней лицом, и Катя от неожиданности звонко расмеялась.

– Миша, ты что – наголо подстригся? – она замахала руками. – Мишка, ты с ума сошел! Изображая блатного, муж двинулся к ней.

– Ну, дорогуша, теперь меня не будешь ревновать?

– Зачем же волосы... Ой, какой же ты смешной!

– А я уже отремонтировал тете Нюре сепаратор, сгонял в сельмаг и купил Светочке мячик, – он пожал плечами, – а потом зашел в сени, смотрю: ножницы отцовские лежат...

– Для стрижки баранов? – переспросила Катя и опять захохотала.

– Да... ну, думаю, успокою супругу, – он полез в карман, достал оттуда конвертик из газеты и протянул жене, – вот, возьми на память!

– Что это?

Катя взяла у мужа сверток, развернула и увидела прядки светлых локонов мужа. Она потянулась к нему и поцеловала. Миша смотрел на нее и улыбался – сюрприз удался.

– Глаза выкалывать не стал, ничего, если я с ними поеду? – и засмеялся, довольный собой.

– Вот, дурачок, – жена нежно шелкнула его по лбу и покачала головой, – зачем же мне инвалид!

Прошло только три дня, как уехал муж, а Катерина уже переделала все домашние дела: перестирала и перегладила белье и занавеси, сварила яблочное варенье и даже вышила гладью накидку на швейную машинку – недавнее приобретение свекрови. Сама Мария Ивановна пошла со Светочкой к старшей снохе, а свекор стучал топором на заднем дворе. На улице было жарко, и только внутри дома при закрытых ставнях сохранялась живительная прохлада. Катя взяла плюшевый альбом и стала рассматривать семейные фотографии. Вот стоит Миша в солдатской форме, обхватив руками березу. По-мальчишески сдвинутая фуражка на затылок, знакомый русский чуб, сощуренные от солнца глаза. А это они уже вместе: в одинаковых драповых пальто с цигейковыми воротниками. Свекровь в пуховом платке под руку с мужем... Среди мирного тиканья настенных часов, Катя услышала звук открывающейся калитки во дворе и хлопок металлической щеколды. Кто-то прокричал: «Степан», и опять все стихло... Она не успела перевернуть следующую страницу альбома, как вновь послышался шум, предательски скрипнули полы в коридоре, и в проеме двери появился свекор. Катя никогда еще таким его не видела: его подбородок дрожал, а в руках он нервно крутил холщевое полотенце.

– Катя, Мишу привезли! Он... заболел... сильно, – медленно, с большими паузами проговорил Степан и смахнул слезу с покрасневших глаз.

Катя испуганно вскочила и кинулась навстречу свекру. Альбом с шумом выпал из рук, а фотокарточки разлетелись в разные стороны.

– А... где он, что с ним?

Степан неловко обнял сноху.

– Доченька, пойдем... пойдем... он на пароме, – с трудом произнес он, облокотившись на стол.

Катерина выбежала из дома и побежала в сторону реки.

– Катя, дочка, не беги так быстро, подожди меня, – крикнул он ей вдогонку и побежал, по-стариковски неуклюже, держась за сердце и стараясь не отставать от молодой женщины.

– Папа, давайте скорее! Мише же плохо! Скорее, папа... – причитала она, хватая за руку свекра, – скорее, папа! А что с ним?

Спустившись с бугра, что на краю села, Катя издали увидела паром и группу мужчин, с которыми уезжал муж в командировку. Один отделился от толпы и пошел им навстречу. Это был Виктор. Он как-то странно посмотрел на свекра и обнял Катю.

– Подожди, пусть отец первый подойдет.

Катя попыталась вырваться, но сильные руки Куприянова сдавили ее запястье.

– Катя, родная, так случилось...

– Что, что случилось? Врача вызвали? Миша! – надрывно крикнула женщина в сторону стоящих мужчин.

Отец уже стоял там, опустив седую голову. Катя оттолкнула Виктора и, подбежав к парому, увидела лежащего Мишу. Плечи свекра, склонившегося над сыном, вздрагивали от рыданий. Он не мог уже сдержать себя. Катя закрыла лицо руками и осела рядом. Она не могла смотреть на мертвенно-бледное лицо мужа, синие губы, закрытые глаза... Все остальное расплылось и умерло. Погас день, исчезло солнце, голова стала свинцовой, а ноги – ватными. Она подняла глаза к небу, вытянула руки, словно ветки срубленного дерева и воскликнула:

– Господи!

Очнулась Катерина уже дома. Зинаида, старшая сноха, гладила ее по голове и шептала:

– Катенька, поплачь, поплачь, девонька, станет лучше...

Она с трудом разжала слипшиеся губы.

– Лучше уже не будет...

Хоронили Михаила всем селом. Его друзья скорбно несли гроб, за которым шла мать, в черной прозрачной шали, ее поддерживал как-то сразу состарившейся отец. Рядом с ними Зинаида несла Светочку, которая притихла, и, крепко обняв тетушку, тихо всхлипывала, ничего не понимая: почему все плачут? Катерину под руки вели родственницы, поддерживая с двух сторон. Рядом шла фельдшер Анна Петровна с медицинским чемоданчиком в руке. Траурная процессия медленно проследовала по главной улице на сельское кладбище, где в самом углу зияла черная пасть могилы. Пахло свежей землей и полынью. И только когда гроб, оббитый красной тканью, опустили в могилу, и первые комки влажной глины глухо стукнулись о его крышку, Мария Ивановна, в диком порыве схватившись за голову, запричитала, тяжело дыша и давясь слезами:

– Мишка-Мишка! Что же ты наделал!

Спустя несколько дней Катя стала говорить. Даже не говорить, а только отвечать: «Да» или «Нет». Она сильно осунулась и как-то потускнела. Вдова в двадцать три года. Ей не хотелось никого видеть и никого слышать. Когда в комнату вошла соседка – бабка Евдокия, Катя притворилась спящей и повернулась к стенке.

– Нет, душа моя, Катерина Пална, ты от меня не отворачивайся, а послушай старого человека. Я похоронила и мужа, и сына, но чтоб вот так волю чувствам давать! – она покачала головой. – У тебя, милая моя, дочка растет. Ты что же, сиротой малое дитя хочешь оставить? Отвечай, когда с тобой старшие разговаривают!

Строгий тон соседки, будто ледяной водой, окатил женщину.

– Баба Дуся, а где Светочка?

– Во дворе играет, пирожки мои с пасленом ест, – старушка улыбнулась и легонько похлопала Катерину по плечу, – а ты не хочешь?

Молодая женщина приподнялась на локтях.

– Хочу...

– Ну, вот и ладно, – уже понизив голос, мягко сказала бабка и предложила, – пойдем во двор.

Неловко спустившись по крыльцу, Катерина увидела всех родных, сидящих за большим столом и поздоровалась. Ей все кивнули, а свекровь позвала:

– Катя, сидай за стол...

Она обняла сноху, поставила перед ней тарелку и строго сказала:

– Ешь.

Молчаливое сочувствие родственников действовало успокаивающе. Цокнул запор калитки, и вошел Виктор. Он уважительно со всеми поздоровался и сел с краю. Старший сын Беловых, Федор, налил гостю водки и придвинул закуску:

– Помяни друга.

Куприянов, не чокаясь, опрокинул стопку в рот, тяжело выдохнул и поддел вилкой кусочек селедки. Катя повернулась к нему.

– Виктор, ты не сходишь сейчас со мной на кладбище? – умоляюще прошептала она.

Степан предостерегающе кашлянул, глядя на гостя из-под густых седых бровей. Виктор понимающе кивнул старику, но идти согласился. Катя выскочила из-за стола.

– Я сейчас, – крикнула она и скрылась в дверном проеме дома.

В нижнем ящике комода лежал газетный конвертик, она схватила его и выбежала на крыльцо:

– Пойдем, Витя.

По дороге на сельский погост Катерина тихо попросила:

– Расскажи, как Миша погиб.

Куприянов покачал головой.

– Мишка классный механизатор, понимаешь? Освободился раньше всех и пошел на Волгу. Поболтал с мальчишками-рыбачками, походил по берегу, а потом, напевая, разделся и прыгнул с парома. Один из ребят заметил и крикнул нам: «Ваш дяденька не выныривает давно». А мы как раз решили тоже окунуться, было очень жарко. Я тут же прыгнул в воду и сразу его увидел. Он полулежал на дне, прибившись спиной к днищу парома. Не рассчитал Михаил высоту, видать думал: рядом с паромом яма, а там было неглубоко, – Виктор замолчал на минуту, тяжело выдохнул воздух и проговорил, – и он сломал шейный позвонок. Мы с ребятами сначала думали – воды нахлебался, пытались откачать, а... – он в отчаянии махнул рукой, – поздно было. Врачиха сказала – позвоночник...

Катерина слушала, сжимая в кармане газетный сверток.

– Нелепо и страшно, – после минутной паузы добавил Куприянов.

Оставшуюся дорогу шли молча, а когда подошли к кладбищу, и Виктор открыл дощатую скрипучую дверь, Катя попросила его:

– Подожди меня здесь, мне с Мишей поговорить надо...

Он сначала хотел возразить, но послушно кивнул, отошел в сторону и закурил. Женщина медленно пошла мимо крестов. Могила ее мужа была высокая, земля еще не осела. Венки с черными лентами покоились поверх нее. У изголовья стояла трехлитровая банка с крупными бордовыми георгинами. На глиняной насыпи лежали подсохшие цветы и конфеты... Катя присела рядом.

– Миша, мне тебя так не хватает...

Она посмотрела вокруг и увидела старую плоскую щепку. Катерина расковыряла ей свежий бугор земли, потом достала из кармана конвертик, развернула его и взяла русые локоны. Она нежно провела пальцами по волосам мужа, словно прощаясь, и сунула их в отверстие.

– Там тебе, Миша, они пригодятся... Теперь мне некого ревновать, – грустно прошептала она.

Молодая вдова поправила ленту на венке, провела ладонью по могильной насыпи и впервые за последние дни горько заплакала...

Прошло 3 года...

В тазу, переливаясь всеми цветами радуги, раздувались мыльные пузыри, потом разрывались, брызгая перламутровой пеной, и тут же появлялись новые. Катерина стирала Светочкины

платица и маечки, попутно размышляя о недавнем разговоре с директором школы. Римма Дмитриевна всегда по-матерински относилась к молодой учительнице, а вчера вызвала к себе и строго спросила:

– И долго ты будешь жить со свекровью? Екатерина Павловна, – она четко и почти по слогам произнесла имя и отчество, потом, будто смутившись, добавила, – Катюша, ты – молодая женщина, надо устраивать свою жизнь... Тебя пригласили в райком работать, почему отказалась?

Катя не ожидала этого вопроса.

– Римма Дмитриевна, я что, не справляюсь в школе? – она посмотрела на наставницу. – Что, жалуются на меня, да?

Директриса подошла и обняла ее.

– Садись, – усмехнулась по-дружески она, – никто не жалуется, а только хвалят! Хотя... набрала ты себе уроков больше всех. Еще и в вечерней школе преподаешь. В институт на заочное отделение поступила... Когда все успеваешь? Поверь, Катюша, я очень не хочу с тобой расставаться, просто подумала, что в райцентре твоя жизнь как-то изменится: уедешь, успокоишься. Новый коллектив, новые обязанности...

Катя погладила пухлую ладонь начальницы и серьезно произнесла:

– Я не могу, Рим Дмитриевна, уехать отсюда. Мать обидится. Она без Светочки не сможет, и... тут все свои. Такого директора, как вы, у меня там точно не будет! – выкрутилась Катя и радостно глянула в глаза собеседницы.

– Ах, как повернула! Хитра мать, хитра, только меня этим не возьмешь! – шутливо погрозила пальцем директор. – Значит так, в моем доме освободилась вторая половина. В понедельник идем с тобой к председателю колхоза и закрепляем за тобой эту жилплощадь. Будем соседями!

Она победно посмотрела, на растерянную от этой новости, Катю.

– Даю выходной на раздумье, хотя, – она подмигнула, – дорогуша, тут думать нечего! А к свекрови в гости с дочкой ходить будешь. А теперь иди, – строго закончила она.

Катерине и самой хотелось жить отдельно, быть хозяйкой, в гости подруг приглашать, а в дом к Беловым они не ходят, побаиваются Марию Ивановну. Говорят, взглянет так, будто они в чем-то виноваты. Но, с другой стороны, потеряв сына, родители мужа так привязались к Светочке, что забрать у них внучку она не могла. А случай, который произошел полгода назад, еще больше их сблизил. Тогда Петька Карпов, ученик из вечерней школы, стал назойливо ухаживать за ней. В селе поговаривали, что и за парту он сел ради молодой учительницы. Петька был высокий и статный, но почему-то Кате не нравился. И не только внешне. После каждого занятия он находил повод проводить ее до дома. А как она ему откажет? И приходилось всю дорогу говорить о школе, уроках, как бы Петька не старался завести разговор «по душам». А в последний вечер, без всяких предисловий, просто полез целоваться. Катя вырвалась и убежала. Но как в селе бывает: кто-то видел или слышал. Или не видел и не слышал, а все равно говорит. Подружки вытащили ее на танцы в клуб, а этот Карпов с ребятами, проходя мимо, крикнул в их сторону:

– Катерина Пална, я ночью забегу, жди!

И сам засмеялся, видимо, довольный собой. Девчата стали ее успокаивать, чтобы она на дурака внимания не обращала, а каково ей. Разве давала она повод?

Как свекровь узнала про случай этот, непонятно. Только через несколько дней, сидя на скамейке с соседками, увидела она Карпова и позвала:

– Петя, ты женихаться, что ли?

Тот подошел ближе. Поздоровался со всеми:

– Да не, тетя Маш, из армии пришел – надо нагуляться! – лихо сдвинув кепку на затылок, ответил он.

И тут Мария Ивановна медленно встала, развернулась и врезала звонкую оплеуху парню.
– Позорить невестку не дам! – она спокойно села на место, отвернулась и стала разговаривать с удивленными соседками, как ни в чем не бывало.

Кепка слетела с головы, Петька нагнулся, поднял ее и отряхнул.

– Если бы вы были мужиком... – начал, было, он.

– Иди-иди, Петя, по-хорошему, – перебила его бойкая бабка Дуся, – и по нашей улице лучше не ходи. А то в следующий раз и от меня получишь!

Кате уже через час рассказали досужие соседи о заступничестве свекрови. Она знала, что Мария Ивановна никогда не говорит плохо о своих домочадцах и другим не позволяет. Но такого поступка Катерина и представить не могла. Она еще с большим уважением стала относиться к свекрови. А теперь, как ей сказать, что она уходит от них? Развесив цветные детские платяща на веревке, она помыла таз у колодца, поставила его ребром сушиться на крыльцо и вошла в дом. В комнате было тихо, только одинокая муха монотонно жужжала, бестолково стучась о стекло. Катя достала из сумки тетради своих учеников, выложила их на круглый стол, покрытый скатертью с кистями, и стала проверять.

«Через месяц – каникулы, – подумала она, – надо будет со Светочкой к маме съездить».

Скрипнула и отворилась настежь дверь. Мария Ивановна, с тарелкой в руках, вошла в комнату, так и оставив ее открытой. Аккуратно поставила миску рядом с тетрадями.

– Ось, поешь, – кивнув на аппетитно-зажаренные пирожки, сказала она и села рядом, – а то будэш жити отдельно, хто тоби напече?

«Господи, ну откуда она все знает», – мелькнуло в голове у Катерины.

Молодая женщина виновато посмотрела на свекровь, и от волнения у нее пересохло в голе.

– Римма мимо проходила, сказала, шо пора тоби отделяться от нас. Давай зберемо тоби приданое, – Мария Ивановна горько усмехнулась, – ты, Катя на нас не серчай. Мы с дидом любим тебя и Светочку. Но треба, так треба, – она пожала плечами.

У Кати защипали глаза.

– Мама, я никуда не перееду, я и сама не хочу...

Свекровь встала и жестко ответила:

– Не бреши! Давай сундук разбирать, там у мэне постельное белье новое е и рушники. Ты мени будэш помогать чи ни? – уже поднимая тяжелую крышку, крикнула она.

Уже через две недели справляли новоселье. Друзья Миши помогли принести шифоньер и проигрыватель, которые она купила в сельмаге. Девчата устроили субботник, благо погода была по-летнему теплой, помыли окна, потолки, развесили занавеси. Стало уютно, по-домашнему запахло жареной картошкой, стиральным порошком и цветами. Давняя подруга Татьяна Куприянова и Вера-агроном, с которой Катя сблизилась год назад, принесли пластинки. Элегантно скользя иглой по гладкой черной поверхности винила, проигрыватель словно ожил и наполнил романтической мелодией комнату. Зазвучала модная музыка из фильма «Бродяга». Мужчины еще закусывали, а девчонки уже стали танцевать, перекидываясь между собой шутками. Катя по-хозяйски ухаживала за гостями, меняя тарелки, приносила из кухни новые угощения. Рядом крутилась Света, довольная взрослой компанией. Ей не терпелось везде успеть: полакомиться у стола, потанцевать с любимой тетей Таней, поменять пластинку в проигрывателе и поиграть с куклами. Светочка сразу полюбила новый дом, здесь у нее была своя комната с кроваткой, ковриком над ней, этажеркой с книжками и игрушками.

Когда стемнело, Катя уложила дочурку в постель, накрыв тонким одеяльцем и поцеловав в щечку, вернулась в зал. Гости танцевали медленный танец, а она села за стол и почувствовала впервые за последние годы свое одиночество. Все разделились на пары, мужчины ухаживали за своими дамами, перешептывались и тихо смеялись... Катерина молча стала ковырять вилкой

в тарелке, будто проголодалась. На самом деле, она хотела показать, что тоже чем-то занята. Музыка закончилась, подошла Татьяна и, ласково обняв за плечи подругу, шепнула на ухо:

– Чего грустишь?

Кате хотелось возразить, улыбнуться, но слезы предательски заблестели в глазах.

– Ну-ну... все будет хорошо! – слишком бодро сказала Таня. – Вот увидишь, ты еще будешь счастлива и... любима!

– Да, кому я нужна? Девочек молодых вокруг полно, – уткнувшись в плечо подруги, с горечью прошептала Катя.

– Катя! – в дверь настойчиво постучали, – Катя, открой, это я – Вера.

Хозяйке совершенно не хотелось вставать с постели, приятно побаловать себя во время отпуска в знойный день – поспать после обеда, но подруге надо открыть, без дела она во время работы не приходит.

– Что случилось? – впуская в дом Веру, сонно произнесла Катерина.

– Да, нет, ничего. Мимо пробежала, зашла узнать, что делаешь, – идя сразу к графину с водой, будто оправдываясь, ответила гостья.

– Сплю я, книгу взяла почитать и сомлела... Эх, хорошо, – потягиваясь, она достала чайник и сахарницу, – давай попьем чай?

– Да нет, я уже воды напилась, надо на поле бежать, работы много!

– Ну, пришла бы вечером... Чего тогда в жару носишься! Верка, не крути! Взаймы надо что ли?

Гостья подошла вплотную к подруге, потом глянула на настенные часы и смущенно проговорила:

– Катюша, я действительно, спешу, и деньги мне не нужны. Тут вот какое дело. У меня же на поле солдатики работают... из части прислали нашему колхозу помогать...

– Вер, если торопишься, говори по существу, не мямли!

– Говорю: сегодня вечером я приду к тебе в гости с двумя сержантами! Вот! — выпалила Вера.

– Так... замечательно... Это ты хорошо придумала. А ты знаешь, что завтра скажут соседи? А как посмотрит на это свекровь?

– Ты, Катя, свой учительский тон побереги для школы. А будешь думать, кто что скажет, так и останешься одна! Нам замуж надо выходить, а ты все думаешь, как посмотрят, что скажут. И че? – она энергично всплеснула руками. – Ну, придут ребята, посидим, винишко выпьем, потанцуем... Ой, какое преступление! Да они приличные парни! – как-то сердечно выкрикнула уже на пороге агроном и взялась за ручку двери, собираясь уходить. – Я бы к себе пригласила, но я комнату снимаю, а ты – сама себе хозяйка...

– Ладно-ладно, Вера, погоди, – чувствуя, что подруга обиделась, Катя взяла ее за руку, – тебе из них кто-то нравится? Ну, честно?

Двадцатитрехлетняя Вера по-девичьи покраснела и согласно махнула рыжими кудрями. Катя засмеялась, чмокнула ее в щеку:

– Беги к кавалерам, зови в гости! Была, не была! А я что-нибудь вкусенькое приготовлю!

Вера молча выбежала из дверей и, уже пробегая мимо окошек, стукнула в одно и послала воздушный поцелуй подруге. Катя махнула, улыбаясь, в ответ. Потом села на кровать, пытаясь придумать, что сказать свекрови про гостей. В том, что она узнает от других, Катя не сомневалась. Лучше самой заранее сообщить. Она вздохнула, представив, как свекрови это не понравится. Марья Ивановна обязательно скажет, что Верка сбивает ее с толку.

– Чого ти привечаешь цю «агрономиху»? – уже не раз говорила свекровь.

Катя села на кровать, с простыни соскользнули «Три мушкетера».

– Ну, так и будешь вдовствующей королевой? – то ли вопросом, то ли вызовом негромко крикнула молодая женщина самой себе.

Ближе к вечеру Катя пошла к Беловым-старшим, чтобы договориться оставить внучку у них с ночевкой.

«Как я не люблю врать, – думала всю дорогу, – не люблю и не умею. Свекровь сразу раскусит. Ну почему я перед ней отчитываюсь, как школьница? Она мне даже не мать!»

Но в голове тут же пронеслись и другие мысли:

«А кроме нее у меня никого ближе нет. Светка еще маленькая».

Открыв калитку, Катя облегченно вздохнула: дочка заливалась хохотом, прыгая у деда на коленях. Увидев маму, она похвасталась, крутя в руках книгу:

– А мы с дедом букварь читаем!

Степан кивнул снохе:

– Наша бабуля в сельмаг ушла, а ты иди, Катя, в летнюю кухню – там она пироги разные сегодня напекла. Ты возьми домой. А то мать беспокоилась: вдруг к Катерине гости придут – будет угощение.

«Господи, она все знает, господи, откуда?» – пронеслась мысль и, от растерянности, Катерина только молча кивнула.

Зато свекор, видимо, получив большие полномочия от своей всеведущей жены, продолжил:

– А Светланка у нас пусть переночует! Будем в прятки играть? – повернувшись к внучке, сказал он.

Маленькая баловница согласно захихикала, обняла маму и тут же возвратилась на колени к деду.

Расставив тарелки и столовые приборы на белую скатерть, Катя вдруг почувствовала, что волнуется.

– Подумаешь, какие-то сержанты... Поди, курносые и конопатые...

Кто-то стукнул в дверь, она обернулась и замерла: Верка зашла в комнату, а за ней – солдат: пилотка набок, в руках букет ромашек и глаза... смеющиеся и очень знакомые...

– Познакомьтесь: это Катя, это Женя, – скороговоркой сказала она, – а Сергей задержался в магазине, сейчас придет!

Она по-хозяйски прошла к столу.

– Пироги-то, какие! Я, между прочим, с обеда ничего не ела, – отщипнув кусочек, Вера ловко положила его в рот, – ой, вкусно!

Ей никто не ответил.

– А вы че, замерли, друзья? – обернувшись, она спросила и осеклась.

Подруга с гостем так и стояли напротив друг друга.

– Вер, мы знакомимся. Хотя, – гость внимательно посмотрел на хозяйку, – Катюш, ты меня помнишь?

У Катерины почему-то горели уши: от волнения или стеснения. Конечно, конечно она помнила Женьку. Было это в студенческие годы, плывя на теплоходе по Волге, она познакомилась с парнем – он проходил плавпрактику на судне. Они бегали босиком по палубе, смотрели днем на воду, а ночью на звезды. Женя читал ей стихотворения Есенина и однажды даже поцеловал. А потом, она вышла на пристани, и больше они никогда не виделись.

– Вот это да! – Вера перестала жевать. – Знакомы?

Катя, наконец, обрела дар речи:

– Да, мы с Евгением однажды плыли на теплоходе, – стараясь принять официальный тон, Катя повернулась к подруге, – будем ждать вашего товарища или сразу – за стол?

Женя что-то буркнул.

– Что вы сказали? – Катя повернулась к нему, однако в глаза старалась не смотреть.
– Да, я так, к слову: теплоходы ходят, плавают другое...

Вера громко засмеялась, стараясь смягчить ситуацию, а про себя подумала:

«Что это с Катькой творится: важная такая!»

В дверь постучались.

– О! Это Сергей, – открывая дверь, крикнула Вера.

В комнату вошел еще один гость. Симпатичный: не курносый и не конопатый. Подошел к Катерине и представился, ловко вытащил из-за пазухи вино и конфеты.

– Ну что на тебя нашло? Тебе этот Женя не понравился, да?

Выспрашивала подруга, когда ребята ушли.

– Да, нет, не в этом дело...

Впервые за эти годы Кате не хотелось делиться впечатлениями с подругой. «Быстрее бы она ушла», – мелькнула мысль.

Хотелось остаться одной и вспомнить ту поездку, и волны, и теплоход, и ухаживания Жени... Она еще долго не могла забыть это приключение и мучилась от любви: такой короткой и бесконечной одновременно. В восемнадцать лет кажется, что это навсегда, и такого никогда не будет. Катя даже не заметила, как ушла Вера. Она выключила свет и легла на кровать поверх покрывала. Хотелось мечтать о красивой и вечной любви, а еще больше хотелось выйти замуж, и чтоб семья была дружной, и муж любил, и дом – полная чаша, и дети... Да, чтобы Он любил Светочку... Последнее время она часто спрашивает:

– Почему у меня нет папы? У Таньки есть, у Ленки есть, а у меня нет...

А потом Катя вспоминала, КАК за столом на нее смотрел Женя, как улыбался своими шоколадными глазами, как волнуяще трогал ее за спину во время танца... Катя научилась после смерти мужа мечтать по ночам, она и днем порой продолжала жить в своих мечтах. Так было легче, чтобы не сойти с ума от одиночества: ведь ей было только двадцать шесть... и уже три года одна, целую вечность одна...

Женя пришел на следующий вечер неожиданно. Они долго сидели в сумерках, рассказывая друг другу все, что накопилось. Такое бывает либо в дороге: когда первому встречному можешь сказать самое сокровенное (вряд ли увидишься еще), либо «своему» человеку. Какая-то непонятная интуиция подсказывает, что это твой человек и все. Женя рассказал, почему в свои двадцать четыре года, служит в армии. Оказывается, ему дали отсрочку, потому что болела мать. Она попала под трамвай, и ей отрезало ногу. Нелепая случайность, а обернулось такой бедой. Потом пошла гангрена. Врачи отрезали ногу еще выше, но спасти не удалось, она умерла... Женя остался один, хотя был жив отец, но он с ним не общался: не мог простить, что с войны вернулся с другой женщиной. Он бросил мать с маленьким Женей, которому было всего три года. Сейчас у отца дочь и сын, и в той, новой семье для Жени не было места. А Катя рассказала о себе. О том, как после войны, в голодные годы у нее отказали ноги, и мать на руках таскала Катю в школу на уроки, а потом по бабкам – лечить. И травмами, и заговорами. Катин отец погиб на Курской дуге, посмертно ему присвоили звание гвардии капитана... Им с мамой вдвоем было нелегко, но вот выучилась на учительницу, и мама ей очень гордится. А после педучилища по распределению попала сюда. Замуж вышла, Светочка родилась... А потом это горе с Михаилом... Женя гладил ее руки, и ей так было хорошо, впервые за долгие годы...

– Светочка, иди сюда, познакомься: это дядя Женя.

Катя встретила его у калитки и позвала дочь, которая торчала в огороде. Поспешно засовывая клубнику в рот, девочка встала с грядки, поправила платяице и побежала навстречу к гостю.

– Здрости, – подавая пухлую ручонку, сказала она и добавила, – будем знакомы: Света!

– Ух, ты, какая молодчина! – широко улыбнувшись, ответил ей мужчина. – А вы, девочки, меня чаем угостите? Смотрите, что я тут принес, – разворачивая газеты, сказал он.

– Ой, «Мишка на севере», – хлопая в ладоши, запрыгала девочка, – давайте пить чай, я люблю конфеты с чаем... и без чая тоже!

Последние две недели были самыми счастливыми в жизни Кати с тех пор, как она овдовела. Но... кончалось лето, а с ним не только отпуск, но и летние работы военнослужащих. Что будет дальше? Этот вопрос мучил молодую женщину. Вот уж женская душа, страдает даже тогда, когда все хорошо. Разве было мало страданий? Или жизненный опыт, такой небольшой, но такой печальный...

Склонившись над учебником, Катя задумалась о будущем. Слезы сами собой закапали на раскрытые страницы.

«Почему я такая несчастливая?» – в который раз подумала она и перевела взгляд на окно. К их дому быстрым шагом шел Женя, увидел ее, махнул рукой и открыл калитку. Катя вышла навстречу.

– Ты плакала? – неловко вытаскивая платок, спросил он. – Кто тебя обидел, лапушка? – и стал нежно вытирать ее щеки.

Катя прислонилась к нему, потом заглянула в его глаза и честно ответила:

– Я боюсь.

– Чего же ты боишься? – он улыбнулся.

– Что будет дальше? – она смущенно пожала плечами.

– Счастье! – не раздумывая, ответил Женя и прижал женщину к себе. – И ничего не бойся! У тебя есть я!

Теплоход медленно отходил от пристани, сопровождая печальными гудками свое отплытие. Прижавшись к Жене и обняв дочку, Катя махала рукой подругам, которые что-то кричали, и слезы вытирали, и были такие грустные и несчастные. Катя пыталась расслышать их, но тщетно: шум двигателя и гудков перекрывали все остальное, будто стирали голоса подруг, как прошлую жизнь. И вот их не стало видно, и только крохотная пристань напоминала о недавнем прощании. Пассажиры с палубы стали расходиться, Женя тоже потянул Катю к своей каюте.

– Женюль, я еще немного постою одна, ладно?

Он понимающе посмотрел на нее и поцеловал в висок:

– Я тебя жду! – и, повернувшись к девочке, проговорил. – Света, пойдем вещи разбирать!

Он взял ее за руку и пошел вдоль палубы. А Катя вспомнила последние дни. Все произошло так неожиданно и быстро. Женя сказал, что уходит на дембель, но без Кати отсюда не уедет. В ближайшую субботу они решили расписаться, ей хотелось, чтоб об этом событии никто не знал, кроме близких подруг. Боялась осуждения односельчан: взрослая женщина, вдова, учительница и вдруг после двухнедельного знакомства – замуж выходит. А свекор со свекровью, родственники Михаила... как они к этому отнесутся? И терять нечаянно обретенную любовь тоже не могла. Но новость быстро облетела село и сентябрьским утром у правления колхоза стояли не только подруги, но и учителя, ученики с цветами, любопытные бабульки, без которых не обходится ни один сельский сбор. Мария Ивановна и Степан Михайлович пришли позже в дом поздравить молодых. Свекровь обняла Катю, погладила по волосам и сказала, глядя в глаза:

– Чи не наша вина, Катюша, що Миша убився. Тильке ти нам всегда будеш дочкою... – ее голос задрожал, – счастья тобі и... – она запнулась, глянула на Женю, – Свитланку не обижайте!

Она повернулась и быстро пошла к двери.

– Мама, останьтесь, садитесь за стол! – крикнула Катя в след, но свекор ее учтиво перебил:

– Пусть идет. Мы зашли только поздравить вас с законным браком. Катюша, ты нас не забывай и приезжай, – Степан кивнул жениху и поправил себя, – приезжайте. Да внучку присылайте старикам, одна она у нас память о сыне, – он протянул узел с подарками, в покрасневших глазах блеснули слезы, – и вот еще что, – он на минуту замолчал, собираясь с мыслями, – ты, Катя, сделай уважение нашей семье, выполни просьбу: пусть Светочка останется Михайловной и чтоб фамилия наша...

Невестка опустила голову, пытаясь скрыть набежавшие слезы:

– Я вам обещаю...

Он обнял сноху, кивнул немногочисленным гостям:

– Не сердчайте на стариков, молодежь! – и вышел из дома.

На следующий день прямо с порога запыхавшаяся Светочка выпалила:

– А кто мне дядя Женя?

Неготовая к этому вопросу, Катерина взяла дочь за руки, опустилась на корточки перед ней и спросила:

– А ты как думаешь?

– Мамуль, а я никак не думаю, я – тебя спрашиваю!

Катя взяла в ладони ее загоревшее личико:

– А может ты его «папой» будешь называть? Ты же хотела, чтоб у тебя был папа? Ведь дядя Женя хороший, правда?

– Да, он хороший и с ним весело... – девочка замолчала, смешно сморщив нос, – я буду называть его «папой», – и, прижавшись к уху матери, прошептала, – когда уедем отсюда.

Катя вздохнула, махнула головой, будто сбрасывая невеселые мысли, и пошла по палубе. У их каюты стоял Женя. Облокотившись на перила палубы, он задумчиво смотрел на воду.

– Ты что здесь? – спросила она и взъерошила волосы мужу.

– Света не пускает, – и, подмигнув, добавил, – готовит нам сюрприз!

Катя улыбнулась и прижалась к любимому. Неожиданно дверь каюты распахнулась и Светочка, держа в руках два вырезанных из бумаги сердца, звонко крикнула:

– Мама-папа, поздравляю!

Февраль 2008 г

Когда кончается детство

1970 г.

Солнце слепило глаза, хотелось их закрыть и бежать к дому бабушки, зажмурившись изо всей силы. Даша оглянулась на ребят, все еще плескавшихся в речке, подняла с прибрежного песка свой застиранный и выцветший за лето сарафанчик и крикнула двум девочкам, с шумом выбегающим из воды:

– Я – к бабушке! Вы со мной?

Девчонки завертели головами:

– Не-а, – ответила та, что пониже, поправляя волосы, – мы с Валькой – домой, – и запрыгала на одной ноге, прижав голову к плечу.

– Даш, ты вечером к нам придешь? – спросила робко нескладная худенькая Валюша, вытирая лицо косынкой.

– Ага, приду, – махнув на прощание рукой, ответила девочка и побежала в сторону деревни.

Горячий песок нещадно жег ступни ног и, как назло, ни одной травинки или деревца. Даша сделала несколько прыжков и, сдвинув верхний, самый обжигающий слой, втиснула свои босые ноги глубже в песок. Было горячо, но не так больно: июльское солнце, казалось, прогрело землю до самого ядра. Небольшими перебежками девочка добралась до дома бабушки и отчаянно постучала в закрытые ставни.

– Дашка, ты? Где тебя черти носят? – худошавая женщина лет пятидесяти – пятидесяти пяти открыла скрипучую дверь и впустила внучку вовнутрь. – Опять на Волге купалась до посинения? Смотри, весь нос облез! Вот что я матери скажу, когда придет за тобой?

Девочка тем временем быстро забежала на деревянное крыльцо и нетерпеливо опустила свои ноги в эмалированный зеленый таз с холодной водой. Она закрыла глаза от удовольствия: обожженные ступни перестали «гореть». Приятная прохлада разлилась по всему телу.

– Есть будешь? – все так же ворчливо спросила бабушка, наблюдая за непоседой.

Девочка открыла глаза:

– А что?

– Что? Рыба жареная, что же еще летом на Волге едят? – покачала головой женщина.

– Надоела ваша рыба, – скривившись, процедила тихо Дашка, – я лучше чай попью...

– От чая вон, гляди, кожа да кости, – и бабушка критично осмотрела внучку, которая все еще стояла в мятом ситцевом сарафанчике, опустив ноги в таз.

Выгоревшие за лето волосы, высохшие на ветру светлыми прядями торчали в разные стороны, на коленках – ссадины, нос – шелушится, под ногтями – грязь.

Пожилая женщина покачала головой:

– Вот мать придет из командировки – тебя не узнает!

– Узнает! – засмеялась девочка.

В летней кухне стоял большой пузатый самовар. Дашка озорно показала язык своему искаженному отражению на его зеркальной поверхности. Бабушка налила чай, бросила в чашку несколько ягод и придвинула пиалу с осетровой икрой.

– Сделай хоть бутерброд!

– Эх, колбасы бы, – вздохнула девочка, лениво размазывая по куску батона зернистую икру.

– Колбасу будешь есть в городе! – сердито проговорила пожилая женщина. Потом погладила внучку по голове и с усмешкой добавила:

– Хочешь конфету?

– Шоколадную?

– Шоколадную, – доставая вазочку из буфета, улыбнулась она.

После обеда Дашка спросила, хитро прищурившись:

– Бабушка, можно я поваляюсь на кровати за печкой?

– Иди уж, горе мое, ложись за печкой, – она махнула рукой и стала собирать со стола чашки и тарелки.

– Егоза, ты только ноги хорошо помой сначала, – выглянув из дверного проема, крикнула она вдогонку внучке.

В горнице, за закрытыми ставнями, было удивительно тихо и прохладно. За печкой-голландкой стояла панцирная кровать, на которой лежало любимое Дашкино лоскутное одеяло. Оно действовало на нее умиротворенно: стоило ей начать рассматривать квадратики этого рукоделия, как глаза сами закрывались, и Дашкино сознание улетало в прекрасную страну грез.

Мысленно она переносилась домой, в городскую квартиру в Бунинском переулке. Там все родное и любимое: детские книги и альбомы с акварельными красками, игрушки и куклы... Во дворе – волейбольная площадка, а рядом – построенная недавно деревянная горка. Правда, съезжая по ней частенько получаешь занозу в мягкое место, но все равно там весело. Даша за лето уже соскучилась по своему двору и школьным друзьям. Она улыбнулась, представив, как будет радостно встретиться с ребятами после каникул. Девочка повернулась к стенке и, протяжно зевнув, погрузилась в безмятежный детский сон...

Пробудилась Даша от еле слышного шепота за стенкой. Она сразу узнала родной голос и задорно крикнула:

– Мама!

– Проснулась, моя доченька? – спросила ласково мать, заходя в крохотную комнату за печкой и протягивая к девочке руки.

Даша тут же вскочила на кровати и, обхватив маму за шею, сильно прижалась к ней:

– Я так соскучилась по тебе, – проговорила она в самое ухо родительнице.

Мама поцеловала девочку в щеку и улыбнулась.

– Я тоже соскучилась, родненька! Целую неделю была в командировке в Москве, а на обратном пути заехала за тобой, – мама заботливо поправила прядку волос у дочери.

– А когда мы поедем домой?

– Вот выходные проведем у бабушки, а потом поедем в город, – она посмотрела на еще заспанную дочь и озорно добавила, – я тоже хочу искупаться в речке!

Даша довольно кивнула и подумала, что с мамой она могла бы здесь жить еще целый месяц!

На следующий день они отправились на Волгу. Мама ловко скинула с себя сатиновый халатик и шлепки. Потом, разбежавшись, нырнула в воду, вытянув руки, как стрелы над головой. Сидящие неподалеку деревенские мальчишки присвистнули и посмотрели на Дашку, которая гордо глядела вслед уплывающей маме.

– Здорово твоя сестра плавает! – кивнул один из ребят.

– Не сестра, – девочка замотала головой, – мама!

Мальчишки опять присвистнули и завистливо бросили взгляд на «городскую».

После купания на речке мама завела Дашку в сельмаг и купила халву и золотистые булочки. Продавщица положила продукты на прилавок, потом улыбнулась и, достав газету, сделала из нее большой кулек.

– Кладите, девчата, свои покупки сюда, – она подала им куль, – смотрю, вы без сумки.

Держась за руки, как подружки, они отправились к дому бабушки, но не успели открыть дверь во двор, как она сама перед ними распахнулась. В проеме ворот стояла соседка:

– Нюся, твои девчата пришли, – крикнула она бабушке и, кивнув маме, добавила, – а я тут новости нехорошие слышала, Зинаида!

– Что за новости? – улыбка мгновенно исчезла с маминого лица.

– По радио передали, что в городе – холера!

– Да что вы говорите такое? – молодая женщина вошла в калитку и, обращаясь к бабушке, спросила. – Мама, что за чушь? Я только неделю назад дома была – и никакой холеры не было!

Бабушка только руки развела.

– Что же я придумала такое, что ли? По радио сказали, что зафиксировано несколько случаев заболевания холерой, – уверенно произнесла соседка, по слогам проговорив замысловатое слово «зафиксировано».

«Не зря ее прозвали в деревне „Говорит Москва“, – подумала Дашка, глянув на разговорчивую тетку, – вечно все знает!»

На следующий день мама стала собирать Дашкины вещи. Бабушка сидела на сундуке и невесело наблюдала за сборами, поджав подбородок. Потом подошла к своей дочери и всхлипнула.

– Зинаида, ну куда тебя несет? Ясно же сказали: «Холера в городе!» – она отчаянно развела руками.

– Мама, мне на работу надо возвращаться, а у Даши учебный год начинается через неделю!

– Твоя работа никуда не денется!

– И в городе мой муж, – Зина покачала головой и хмуро добавила, – и я за него тоже переживаю.

– Не пушу я вас на смерть! – чуть не плача, твердо проговорила бабушка. – Люди рассказывают, что мертвые прямо на улицах валяются, их собирают в кучи и жгут по ночам!

– Это слухи, не волнуйся, – уже не так твердо возразила молодая женщина, – мы будем осторожны.

– И рейсовый автобус только во вторник, – бабушка сделала еще одну попытку остановить взрослую дочь.

– Мы на попутке доберемся! – Зинаида застегнула чемодан, подошла к взволнованной матери и трогательно обняла ее. – Я тебе телеграмму пришлю, не переживай!

К вечеру пришла Валя со своей младшей сестрой попрощаться с подружкой.

– Приезжай еще! – тихо проговорила Валюша, подавая авоську с красными яблоками. – Это вам на дорожку.

– Приеду, – улыбнулась Дашка и добавила, – на зимние каникулы.

Рано утром в понедельник мама повесила дочке маленькую детскую сумочку через плечо, как у почтальона, а сама прихватила тяжелую авоську с продуктами и чемодан.

Пройдя через молодой лесок, разросшийся на краю села, они вышли на шоссе. Несколько редких машин стремительно пронеслись мимо, не отреагировав на вытянутую мамину руку. Утро незаметно сменялось знойным полуднем. Утомленная Дашка в обнимку с любимой куклой понуро уселась на чемодан, а мама, прикрывая глаза ладонью, будто козырьком, вглядывалась вдаль. Неожиданно, противно скрипнув тормозами, рядом с ними остановился старый грузовик. Немолодой шофер, высунувшись из кабинки, крикнул:

– Вам куда, девчата?

– До города, – мама с надеждой посмотрела на водителя.

– Влезайте, – кивнул тот.

Мама ловко посадила Дашу на пассажирское сиденье, под ноги поставила чемоданчик и забралась сама.

– Не бойтесь ехать туда? – он кивнул на девочку и участливо добавил. – С ребенком.

– А куда деваться, – мама грустно вздохнула, – там дом, работа...

Мужчина понимающе покачал головой. Дашка достала из сумочки яблоко и протянула водителю:

– Угощайтесь!

– Спасибо, дочка! – он взял спелый плод и вновь обратился к молодой женщине, – а вы в курсе, что в городе из-за эпидемии холеры объявлен карантин?

– Нет, про карантин не слышала, – мама съежилась от этой новости и тихо спросила, – значит, нас не пропустят?

– Со мной пропустят, – усмехнулся тот, поправив съехавшую на бок кепку, – я везу лекарственные препараты в больницу, а сопровождающая врач отстала, – и добавил учтиво, – проблемы у нее семейные. Так что вам, дамочка, повезло: попробуем проехать по ее пропуску!

– Спасибо, – настороженно проговорила мама, прижав дочку еще сильнее к себе, – а вы там давно были?

– Недавно. Два дня назад выезжал за грузом, – оживленно ответил словоохотливый мужчина, – и откуда взялась эта зараза? – задал он риторический вопрос и мотнул головой.

– И что, в городе, действительно, умирают от холеры?

– Умирают, – вздохнул он и добавил, – все больницы переполнены! Да и не только больницы. Я слышал, что интернаты, школы и даже дома культуры переоборудовали в госпитали!

– Да что вы? – ахнула Зинаида.

– А из-за карантина люди не могут выехать даже в отпуск, – он кивнул на девочку, – а дети в пионерские лагеря.

– Надо же, – женщина вздохнула.

– Смотрите-смотрите, вертолет! – Дашка радостно показала пальцем в небо, выглянув из окошка.

Водитель и мама тут же посмотрели вверх.

– Да, летают по степи вертолеты и высматривают «беглецов», – мужчина покачал головой, – а на Волге катера контролируют.

– Кого они контролируют? – испуганно спросила женщина и еще раз с опаской посмотрела вверх.

– Людей, – водитель взял папироску и прикурил, – многие застряли здесь: кто в отпуске, кто по делам приезжал. Лето же! – он пожал плечами. – А теперь можно покинуть область только после того, как пройдешь карантин, а это, считай, дней семь, а то и больше. Вот народ и пытается сбежать отсюда: кто на лодке, кто на попутке...

– И их ловят и наказывают? – с волнением предположила Зинаида и бросила напряженный взгляд на собеседника.

– Ловят и в больницу кладут! – усмехнулся тот и выпустил изо рта дым в открытое окошко.

На въезде в город стоял шлагбаум. Машина остановилась, к ней подошел молоденький сержант. Он ловко подскочил на ступеньку и заглянул в окно кабинки.

– Документы! – строго произнес он и покосился на пассажирку.

– Вот, пожалуйста, – вежливо произнес шофер и подал несколько помятых листов военному, – я в больницу лекарства везу.

– А женщина? – сержант опять перевел взгляд на Зинаиду.

– Это сопровождающая, – мужчина махнул рукой на бумаги и уточнил, – она – врач. Там все прописано.

После тщательной проверки, грузовик медленно двинулся мимо оцепления, состоящего из солдат с автоматами с обеих сторон. Зинаида испуганно смотрела по сторонам, крепко держа дочку за руку. Девочка тоже прильнула к матери, озираясь на военных. Было что-то пугающее в этом молчаливом вооруженном коридоре.

Рядом с областной больницей водитель остановил машину и кивнул попутчицам.

– Ну, вот, я уже приехал, – он пожал плечами и виновато улыбнулся, – а вы уж дальше – сами как-нибудь!

– Спасибо вам, – Зинаида спрыгнула на асфальт и аккуратно спустила дочку, – берегите себя! – махнула она водителю на прощанье.

– И вам не хворать, – усмехнулся он ей в ответ и завел шумный двигатель.

Грузовик медленно поехал к воротам больницы, а мама и дочка отправились пешком домой. Предположения бабушки, что на улицах валяются трупы, не подтвердилось. В городе было все, как обычно. Только меньше прохожих, и на парадной двери висело объявление, о том, что всем жильцам нужно обратиться в поликлинику и сдать анализы.

Поднявшись на третий этаж старого кирпичного дома, мама достала ключи и устало сунула их в замочную скважину. Дашка повела носом:

– Чем так воняет?

– Хлоркой, – грустно ответила мама.

Папа вернулся поздно, обрадовался возвращению Дашки и прочитал ей лекцию о том, как важно чисто мыть руки и все фрукты, не есть ничего на улице и пока не ходить в гости.

– Даже к Тане? – удивилась девочка, имея в виду свою одноклассницу, живущую в соседнем подъезде.

– Да, – твердо ответил папа.

Ночью засыпая, она слышала, как он прошептал маме:

– У нас на работе двоих госпитализировали с желудочно-кишечным отравлением. Начальник отдела сбыта, Аркадий Петрович, позвонил на работу уже из больницы, – папа тяжело вздохнул, – он сообщил, что лежит в коридоре: все палаты переполнены! Пичкают лекарствами, ставят капельницы. Везде духота страшная и вонь от хлорки.

– Ужас! – прошептала мама.

– Поэтому, Зинаида, я тебя очень прошу: все тщательно дезинфицируй и промывай кипятком! В аптечке – лекарства, я вчера подкупил. Если у тебя или Даши появятся признаки отравления – сразу пейте марганцовку и тетрациклин. А «Скорую» – не вызывай! Врачи разбираться не будут – на месяц упекут в больницу. У них такой приказ!

Но не прошло и недели после Дашкиного возвращения из деревни, как у мамы началась рвота. Когда папа пришел на обед, она, сгорбившись, сидела над тазом, обхватив голову руками.

– Володя, думаешь, у меня холера? – мама медленно подняла бледное лицо и всхлипнула.

– Зина, ты марганцовку пила? – сердито сдвинув брови, папа погладил ее по голове.

Женщина кивнула головой и вытерла махровым полотенцем лицо.

– И марганцовку, и все таблетки от отравления, – она кивнула в сторону аптечки, – даже антибиотики на всякий случай.

– Ну, если к вечеру не пройдет, будем вызывать «Скорую помощь», – после короткой паузы, сообщил папа и посмотрел на дочь, – Дашуля, а ты как себя чувствуешь?

– А у меня ничего не болит, – пожалала плечами девочка и с тревогой глянула на маму.

Но уже после обеда Зинаида себя почувствовала лучше. Потом оказалось, что родители паниковали зря: у нее была не холера и даже не кишечное отравление. Просто скоро, как торжественно сказал папа, будет в семье пополнение. Мамины страхи быстро исчезли и рвотные потуги тоже. После работы она радостно садилась за швейную машинку и строчила пеленки и крохотные распашонки.

А в апреле появилась Ирина – маленькая хорошенькая девочка, которую Дашка любила всей душой. Когда принесли драгоценный сверток из роддома, родители, развернув байковое одеяльце и кружевную накидку, склонились над ребенком. Они почему-то стали сосредоточенно считать пальчики. Потом папа засмеялся:

– Все на месте! – и спросил у старшей дочери. – Правда, наша Иринка – красавица?

Дашка энергично закивала и тоже, на всякий случай, незаметно пересчитала крохотные пальчики.

Теперь она бегом возвращалась из школы, чтобы помянуть сестренку, сбегать для нее за молоком и кефиром в Детскую кухню, приготовить вместе с мамой ванночку с кипяченой водой и спеть песенку перед сном. Когда стало тепло, она с гордостью катала коляску по двору на зависть своим ровесникам. Правда, некоторым она разрешала подержаться за бортик или идти рядом. Ирочка была маленькая и бледная девочка с огромными синими глазами. У нее были длинные реснички и темные волнистые волосики, которые выглядывали из-под кружевных оборок тонкой трикотажной шапочки. Она иногда мило улыбалась и трогательно протягивала тонкие ручки навстречу Дашке. От этих движений сердце юной «няни» готово было вырваться из груди – так она была счастлива. А спустя полгода к ним домой зачастила седовласая женщина – участковый педиатр. Из разговоров взрослых Дашка поняла, что у Ирочки – врожденный порок сердца. Врач приходила и подолгу «слушала» сердцебиение маленькой девочки, печально качая головой. Даша не знала, что это за болезнь, но понимала, что это очень плохо. Однажды после такого визита, она расплакалась от страха за сестренку, но мама успокоила старшую дочь:

– Когда Ирочке исполнится годик, мы повезем ее в Москву, и ей сделают операцию. И твоя сестренка будет жива и здорова.

– А сейчас нельзя? – с надеждой спросила девочка.

– Нет, такие операции проводят только после года, – мама покачала головой, – но время летит быстро!

Перед самым новогодним праздником, когда на балконе уже стояла замотанная веревкой зеленая колючая елка, а родители украсили квартиру гирляндами, Ирочка заболела. У Даши заканчивалась учебная четверть, и начались ежедневные репетиции к празднику, поэтому она редко бывала дома. Прибежав из школы, девочка узнала, что у сестренки неожиданно поднялась высокая температура. От гулкого кашля у Иринки выступали на глазах слезы. Мама вызвала врача. Тетенька в белом халате долго «слушала» малышку, потом тихо сказала маме:

– Сердечко может не выдержать...

На следующий день пришла медсестра из детской поликлиники и сделала укол. Дашке безумно было жалко маленькую сестренку, когда ее попку прокалывали шприцем. Она гладила Ирочку по головке, приговаривая:

– Потерпи немножко, надо выздороветь...

Маленькая девочка, лежа на спине, смотрела на сестру своими огромными глазами и не плакала. Она терпела...

После уроков Даша бежала домой, чтобы побыть с сестренкой. Она устраивалась рядом с ее кроваткой и рассказывала все, что произошло в школе. А Ирочка внимательно смотрела на старшую сестру, а потом медленно закрывала глазки и засыпала.

Но однажды ночью Даша проснулась от шума. Выскочив из своей комнаты в одной ночной рубашке, она увидела в прихожей чужих людей в белых халатах. Мама была бледная, а папа, держа завернутую в одеяло Иришку, тихо сказал Даше:

– Мы в больницу, дочка. Ты ложись и спи. Я отвезу маму и Ирочку и скоро вернусь домой.

– А можно, я – с вами? – прошептала девочка и протянула руки к маленькой сестренке.

– Нет, мы спешим.

Дашка спросонья кивнула и, закрыв входную дверь, пошла на кухню. Открыв холодильник, она достала большое яблоко и откусила. Какая-то необъяснимая тревога вдруг нахлынула на нее. И прежде чем снова улечься в постель, она подошла к окну и увидела неподвижно сидящих на скамейке у подъезда маму и папу, на руках у которых, лежала в раскрытом одеяле Иришка.

«Она же простудится!» – испугалась девочка и стремительно кинулась на балкон.

Распахнув дверь, девочка ступила босой ногой на воздушную шапку нетронутого снега и перегнулась через перила.

– Мамочка, укрой Иришку, она замерзнет, – жалобно крикнула она, ежась от декабрьского мороза.

В тусклом сиянии уличного фонаря Дашка увидела, как мама медленно подняла голову и посмотрела на балкон, где стояла старшая дочь. Она ничего не сказала, лишь покачала головой. И тут девочка заметила, что у папы вздрагивают плечи: он плакал, как мальчишка, получивший незаслуженный подзатыльник. Дашке так стало жалко родителей, что она, вернувшись в квартиру, быстро накинула на босые ноги сапоги, а на плечи пальто и кинулась вниз – к своим самым родным людям. Когда она выскочила из подъезда, они по-прежнему сидели, не поменяв положения. Даша глянула на сестренку и все поняла. Ее бездвиженное тельце будто замерло. Даша взяла ее маленькую ручку, погладила крохотные пальчики и накинула на девочку край одеяла.

– Почему ее не вылечили? – подняв лицо на родителей, спросила она.

– Не успели, – мама всхлипнула.

– Не успели даже до машины «Скорой помощи» донести, – сдерживая рыдания, проговорил папа.

– Нет больше нашей Иришки, – мама трогательно дотронулась до бледной щеки ребенка и нежно погладила.

По щекам родителей катились слезы.

– Ну, почему? – Дашка посмотрела на морозное ночное небо с ярко мерцающими звездами. – Она же не виновата ни в чем!

– Не виновата, – повторила мама, – это я виновата: не надо было мне летом пить антибиотики!

Она отчаянно закрыла ладонью свой рот, чтобы не закричать от невыносимой боли потери своего ребенка.

Даша встала на колени перед скамейкой и уткнулась головой в детское одеяло. Слезы, будто обгоняя друг друга, катились по ее лицу, обжигая щеки и подбородок, а она все повторяла:

– Ну, почему?

Октябрь 2011 г

Оставленная книга

После холодной затяжной зимы наступила весна, но не яркая и цветочно-радостная, а тусклая и дождливая. Солнце показывалось на несколько минут и снова смущенно ныряло в ватные грязно-серые тучи. Небо будто прорвалось: крупные капли непрерывно стучали по асфальту, окнам и крышам домов. Обгоняя безликую толпу, Станислав Ильич, стремительно вышел из стеклянных дверей метро и в который раз мысленно чертыхнулся. Дождь опять уныло лил, и, выходя из сухой подземки, люди торопливо раскрывали еще не высохшие в дороге, зонты. Одно обстоятельство его утешало: от метро до перрона железнодорожного вокзала идти недалеко, а значит, скоро он снимет с себя мокрый плащ, сложит зонт и расслабится в теплом купе со стаканом горячего чая. В отличие от многих приезжих и проезжающих, Станислав Ильич любил суматошную Москву. Ему казалось, что столица наполняет его какой-то космической энергией, дает стимул для новых планов и дарит неясную надежду на счастье. Продвигаясь по узкому коридору вагона поезда, он вдруг подумал про попутчиков и тихо проормотал:

– Только бы не женщина с ребенком...

Хотелось отдохнуть, проанализировать прошедшие переговоры, да и выспаться в тишине. Дверь в его купе была открыта, а на нижней полке в распахнутом одеяле и пеленках лежал грудной малыш в голубом костюмчике и хныкал. Станислав Ильич с усмешкой подумал о своём «невероятном везении», аккуратно поднял свой чемодан наверх и сел на свободное место. Через минуту вошла пухленькая молодая женщина с миской воды, из которой торчала детская бутылочка и, приветственно улыбнувшись попутчику, наклонилась над ребенком:

– Ну, тихо-тихо, не возмущайся, – она сунула ему соску, – мама подогрела тебе молочко. Щечки маленького путешественника активно задвигались.

– Проголодался, – кивнула она на своего малыша и, глянув в окно, заметила, — поехали!

Станислав тоже посмотрел в окошко, за которым на перроне мелькали провожающие.

– Он у вас совсем маленький, вам не страшно путешествовать с таким? – для поддержания беседы вежливо спросил он.

– Ага, – поворачивая бутылочку, – ответила женщина, – Стасику только три недели, а ехать нам недалеко – всего пять часов, и мы – у бабушки. Да, сыночек? – уже обращаясь к ребенку, закончила она.

«Стасик», – про себя поморщился Станислав Ильич. Он всегда не выносил, когда его так называли, вспоминая советские анекдоты про тараканов. Их почему-то называли именно так: «Стасики». А вот вторая новость про короткую дорогу своих милых попутчиков ему понравилась:

«Все-таки выплещу».

И уже воодушевленный этой мыслью, Станислав снял мокрый плащ и попросил пробогавшую проводницу принести чай с лимоном.

«Ну вот, жизнь как-то налаживается!» – иронично подумал он, отхлебывая горячий напиток из стакана с металлическим железнодорожным подстаканником. Ребенок тем временем уснул, сытый и укаченный монотонным стуком колес, а его мама, достав из дамской сумочки увесистый многослойный бутерброд и книгу, устроилась на полке рядом со своим малышом «валетом» и углубилась в чтение. В купе стало тихо.

«А вот я чтиво не взял», – подумал Станислав и вспомнил, как аврально собирался он в эту командировку, как из-за затянувшихся переговоров с деловыми партнерами сдал билет на свой самолет и в последний момент решил ехать поездом.

«И правильно сделал, – подумал он, усаживаясь удобнее на полке, – куда спешить? А главное: к кому?»

Иногда на Станислава Ильича накатывала такая волна невероятной жалости к себе, что хотелось плакать или хотя бы кому-нибудь пожаловаться на жизнь свою, в которой все не так, как мечталось в юности. Но единственный человек, который любил и понимал его – мама – умерла год назад, а больше никому душу открыть. Да, и как повторял всегда отец:

«Мальчики не плачут!»

Если сказать, что ему не повезло с женой, то это будет неправильно. Разве тридцать лет назад он не знал, что Инна – посредственный человек, которого кроме шмоток и сплетен ничего в жизни не интересует? Как однажды, еще в школе, назвала ее учительница по математике – «Серая троечница», и это определение точно соответствовало хохотушке и моднице Инне. Ее знания по всем предметам были поверхностны до невозможности. Она даже не утруждала себя учить стихи, считая, что они ей в жизни не пригодятся. Зато к Стасу она вспылала любовью примерно с восьмого класса. И за годы знакомства как-то медленно и уверенно убедила его, перспективного и симпатичного одноклассника, что любить его так, как она, никто не будет. И прощать его походы «налево», и содержать в чистоте дом, и вкусно готовить. А когда она сообщила Стасу после единственной проведенной вместе ночи в пьяной компании друзей о том, что ждет от него ребенка, и аборт врачи не советуют, все (она и ее родители) приняли решение – делать свадьбу. И момент «для решающего наступления» Инна выбрала подходящий – он как раз переживал разрыв в отношениях со своей любимой девушкой.

Шумную свадьбу сыграли в самом солидном ресторане города. Инна, в роскошном белом платье и воздушной фате, радостно принимала подарки и комплементы от гостей. Она смотрела влюбленным взглядом на жениха и была удивительно хороша в состоянии счастья и удовлетворения от собственной победы. Но прошло время, и оказалось, что беременности у нее нет и быть не могло в силу физиологических причин. Когда он возвращался поздно домой – закатывала истерику с крепкими рабоче-крестьянскими словцами. Готовила она так себе, не проявляя кулинарных способностей и энтузиазма. За порядком в квартире следила от случая к случаю, сама мимоходом, разбрасывая вещи по комнатам.

Миф о настоящей вечной любви быстро развеялся, детей не было, и семейная жизнь напоминала старую скрипучую телегу, которая тоскливо и однообразно тащится по колдобинам унылого быта. С такими невеселыми мыслями Станислав Ильич провалился в сон. Его неожиданно разбудил шум открывающейся двери купе и яркий свет из коридора, направленный прямо в лицо.

– Ой, раз уж вы проснулись, мужчина. Не поможете мне чемоданчик до выхода донести? – попутчица стояла в куртке, завязывая голубой бант на одеяльце ребенка, – а на станции братья у вас его заберут.

Еще не совсем проснувшись, он вяло кивнул головой в знак согласия, взял с полки ее чемодан и тихо пошел по коридору за своей попутчицей. Поезд остановился, противно скрипя тормозами, а как только проводник открыл дверь, Станислав увидел радостные лица встречающих мужчин, которые протягивали руки к его мимолетной спутнице и ее ребенку. Уже на перроне женщина оглянулась и благодарно махнула рукой. Станислав улыбнулся, тоже махнул в ответ и тихо произнес:

– Удачи тебе, тетка!

Молоденький проводник стоял внизу и смотрел вслед удаляющейся группе. Стас пожегся от ночной свежести и глянул на часы.

– Уже полночь, – пробормотал он и, обращаясь к проводнику, спросил, – сколько здесь стоим? Покурить успею?

Парень повернулся к нему и весело ответил:

– Еще пять минут. Конечно, успеем! – и достал из кармана сигареты.

– А я за своими в купе смотаюсь, – начал было Станислав.

Однако доброжелательный парень остановил его.

– Пока вы бегать будете, стоянка закончится. Угощайтесь моими, – и он протянул ему пачку.

– Ну, спасибо тебе, земляк! – Стас затаился, и ему стало, как-то необычно хорошо.

Он стоял на том же перроне, что и пять минут назад. Но ему показалось, как будто он переместился в другой мир. Пахло весной, несмотря на знакомый специфичный запах поезда. Ночное небо было как будто рядом, переливаясь драгоценной россыпью сверкающих звезд. И уже не хотелось идти назад в душный вагон, а остаться здесь на маленькой неизвестной станции и поселиться в каком-нибудь деревянном домике, перед которым будет цвести сирень. Его минутные фантазии прервал голос проводника:

– Заходите в вагон, сейчас поедem!

Станислав кивнул и бойко поднялся по металлическим ступенькам. Он вернулся в свое купе, но спать совсем не хотелось. Мужчина включил ночник и увидел книгу на соседней полке.

«Барышня оставила женский роман, – Стас взял небольшой томик в руки, – интересно, что читают современные дамочки?» – подумал он, листая чужую книжку.

На одной из страниц Станислав прочитал:

– В пятом классе на восьмое марта Марине подарил куклу с голубыми волосами мальчик, который ей очень нравился...

Было что-то невероятное в этом обычном предложении, потому что ОН подарил куклу с голубыми волосами девочке, в которую был влюблен. И именно на восьмое марта в пятом классе! Станислав резко захлопнул книжку и посмотрел на обложку: фамилия автора была незнакомая. Тогда он открыл первую страницу и начал читать. Да, это был женский роман, но описанные в нем события удивляли его и волновали с каждой строчкой все больше и больше. Эта была история его первой любви с одноклассницей Верой.

Стас всегда нравился девочкам: они ему писали записки, звонили домой и даже сами приглашали в кино и в гости. Только не Вера. Нет, она не была замкнутой, не была тихоней, но всегда точно знала: что такое хорошо и что такое плохо. Однажды, уже в десятом классе, Стас решил проводить ее из школы. Он заранее придумал предлог – сказал ей, что в ее доме живет парень из их волейбольной команды, и он идет к нему узнать, когда тренировка... Так что ему с ней по пути. Наверное, тогда Вера даже не поняла, что он соврал и про ее соседа, и про тренировку. Но это было для них обоих тогда не важно. Он помнит, что веселил ее весь недолгий путь от школы до ее подъезда. Она звонко смеялась, когда он рассказывал какие-то небылицы. А первый раз по-настоящему, без придуманных поводов, Стас проводил Веру весной, уже на первом курсе института. Так вот откуда это ощущение счастья от звездного неба и весеннего запаха на перроне! Тогда им было по восемнадцать, и они впервые поцеловались. И кружилась голова, и казалось, весь мир должен знать об их любви! Он прижимал худенькую Веру к себе, а она, смущаясь, шептала ему:

– Стаська...

И он иронично отвечал ей в ответ:

– Не Стаська, а Станислав Ильич, можно просто Ильич, – и они смеялись, влюбленные и счастливые...

Мужчина читал книгу и чувствовал, будто обретает, потерянное когда-то по глупости или молодости, счастье.

Он дарил ей цветы, а она читала ему стихи, и не было дня, чтобы они не виделись! Стас вспомнил, как, однажды проходя мимо, они зашли в церковь и поставили свечи перед иконами. Потом Вера спросила его:

– Стаська, а ты попросил что-нибудь у Бога, когда стоял в храме?

– Попросил, – ответил он.

Вера обняла его и тихо сказала:

– Я – тоже...

Спустя месяц после этого случая, Стас стал ее первым мужчиной и точно знал, что они обязательно поженятся. Он был влюблен в Веру и чувствовал, что это взаимно. Ему хотелось заботиться о ней, слышать всегда ее смех, смотреть в любимое лицо и отражаться в искрящихся глазах.

А потом они неожиданно расстались, потому что Вера сказала, что она полюбила другого мужчину. Сказала спокойно, без лишних объяснений и чувства вины. Это был как гром среди ясного неба. От чистой и доверчивой возлюбленной он не ожидал такого предательства. Станислав тогда страшно обиделся и не хотел ее больше видеть. Он ужасно переживал и страдал, но тут опять (как бывало и раньше) появилась заботливая и влюбленная Инна, которая затащила его сначала в компанию к своим друзьям, а потом и в постель.

А в книге было по-другому...

Однажды в почтовом ящике Марина обнаружила письмо, адресованное ей, без подписи. В нем сообщалось, что жених ее не любит и у него есть другая женщина. Если она не верит, пусть подойдет к перекрестку рядом с их бывшей школой и убедится. Героиня романа подошла к назначенному времени и действительно увидела своего парня, который дарил цветы другой девушке. Прочитав это, Станислав Ильич даже стукнул рукой по столу. Да, точно, он вспомнил! Инна позвонила ему и сказала, что ее пригласили на день рождения, но у нее в училище занятия заканчиваются поздно, и она не успевает купить цветы имениннице. Бывшая одноклассница попросила его купить букет и принести на перекресток! Он не мог отказать, потому что она так часто выручала его. Было... Но все же не так! Вот почему гордая, с уязвленным самолюбием, Вера придумала про другого мужчину. А Стас ей тогда поверил. Но он помнит, как она была убедительна в этой своей лжи! Мужчина отложил книгу и стал смотреть в окно. Уже светало... Звезды исчезли, и серое предрассветное небо уже не радовало, а угнетало.

Станислав Ильич взял сигарету и пошел в тамбур. Проводники уже сменились, и немолодая проводница с недовольным видом суежилась у дверей туалета. Закурив, он стал вспоминать события тридцатилетней давности. Перед самой свадьбой он пришел к Вере. Она вышла к нему из квартиры на лестничную площадку, обернувшись толстым клетчатым пледом и, не глядя в глаза, равнодушно сказала, что она занята: готовится к сессии. И тогда он ей сообщил, что женится. Ему безумно хотелось вызвать у нее хоть какие-то эмоции. Стас даже сейчас помнит, как хотел ей отомстить за ее предательство и свои страдания! А Вера лишь опустила голову и, помолчав несколько минут, вдруг резко ответила:

– Я не одобряю твой выбор, – и ушла, хлопнув дверью.

Как это было давно... А сейчас кажется будто вчера. Станислав Ильич затушил окуроч, вернулся в купе и вновь открыл книгу.

Марина, героиня романа (а Стас уже не сомневался, что это была его Вера) очень переживала. Она узнала, что ее любимый встречается с другой! Да, с кем? С пустышкой Инной! Бывшие одноклассницы предупреждали ее, что он – слишком влюбчивый, но она не верила. А вот теперь безвыходная ситуация. Он сам пришел и сказал, что женится. А что же будет с ней и с будущим ребенком? Она металась по комнате. Что скажут родители? Как сдавать сессию? Марина в отчаянии накрылась с головой пледом и думала-думала, но ничего не приходило в голову.

– Без паники, – шепотом уговаривала она сама себя.

В замочной скважине повернулся ключ, и прямо с порога, мама весело крикнула:

– Маришка, ты – дома?

– Да, мам, пишу реферат, – как ни в чем не бывало, ответила девушка.

В приоткрытую дверь комнаты заглянула улыбающаяся мама с морозным румянцем на щеках.

– Посмотри, какую красивую открытку с новым годом прислала тетя Лида! – и протянула яркую открытку.

– Да, красивая! – сдержанно проговорила Марина, всем своим видом показывая, что занята. На самом деле, ей очень стыдно было перед родителями, а больше всего она боялась, что мама заметит изменения в фигуре дочери. Когда женщина ушла, Марина автоматически взяла открытку и вдруг подумала:

«Тетя Лида! Наша добрая, замечательная тетя Лида, она обязательно поможет! Выход есть!»

И Марина схватила бумагу и стала писать письмо своей любимой тетушке.

В модных вельветовых штанах—бананах и объемном вязаном свитере Марина сдала все экзамены зимней сессии, и никто не заметил ее округлившийся животик. А через месяц, приехала тетя Лида и забрала племянницу к себе, уговорив свою старшую сестру и ее мужа (родителей Марины) своими вымышленными, но очень серьезными доводами.

Девушка к этому времени перевелась на заочное отделение и, не успев на новом месте устроиться на работу, попала в роддом. В апреле у нее родился сын: семимесячным и очень слабеньким. Малыша перевели в реанимационное отделение Центральной детской больницы. Марина, похудевшая и уставшая, переживала за своего ребенка, а он внешне не подавал признаков жизни. В детскую реанимацию не пускали родственников, даже матерей. Она приходила каждый день справляться о здоровье сына, но врач только качала головой.

– Пока никаких изменений...

Однажды молодая мама упростила старенькую санитарку переночевать в коридоре. Когда медицинский персонал реанимационного отделения разошелся по домам, и осталась только дежурная бригада, она тихонько пробралась к кровати своего мальчика, аккуратно взяла его за крохотные пальчики и твердо прошептала:

– Сыночек, я тебя очень сильно люблю!

Ей так хотелось, чтоб он просто заплакал, как другие новорожденные, но он молчал. Она поцеловала его ручку и попросила малыша:

– Ты борись, сынок, борись!

От отчаяния Марина встала перед кроватью на колени. Слезы катились, не переставая, по ее осунувшемуся лицу. Она не знала ни одной молитвы, она просто обратилась к Богу:

– Помоги, пожалуйста! Пусть Он будет жить! Он же ни в чем не виноват, это я – грешная!

Бледно-желтая луна лениво освещала палату и одинокую фигуру молодой женщины, стоящую на коленях перед детской кроватью. Под утро пришла санитарка и отправила Марину домой:

– Ты ж меня, милая, не подведи! Скоро врачи придут, а ты тут! Иди-иди, а к обеду приходишь, после обхода.

Марина, как во сне, с трудом добралась до квартиры тетушки и рухнула на диван, не раздеваясь.

Проснулась она от прикосновения теплых ладоней к ее руке и тихого ласкового голоса тети Лиды:

– Мариночка, вставай, моя девочка!

Она вздрогнула и резко села на диване. Посмотрев на печальное выражение лица своей родственницы, у нее почему-то заныло в груди, а руки и ноги свело от тяжелого предчувствия.

– Тетя Лида, а сколько времени?

– Уже одиннадцать... Ты давай вставай и собирайся. Позавтракаешь сейчас, и мы с тобой пойдем в больницу, – тихо проговорила она и трогательно погладила племянницу по голове.

– Но тебе же на работу нужно! Я сама схожу. Только сначала в магазин зайду, – она устало улыбнулась, – вчера мне в отделении сказали, что нужно свои пеленочки принести. У них не хватает.

– Я уже была на работе. Не нужно идти в магазин. Мне звонили из больницы. Пойдем туда вместе, родная...

Марина все поняла, но не хотела переспрашивать. Она надеялась, что сейчас они придут в палату, а ее сыночек жив и здоров. Он будет смотреть на нее своими голубыми глазами, а она развяжет туго перетянутую грудь, и будет кормить своего мальчика молочком. Но в отделении ее повели в кабинет врача, а не в палату. Врач сухо сообщила, что ребенок умер. Последнее, что слышала Марина, прежде чем потерять сознание, как заведующий отделением спросил:

– Как назвали мальчика?

И старенькая санитарка ответила вместо нее:

– Я вчера слышала, она его называла «Борис».

В сознание Марина пришла от едкого запаха нашатыря. Она лежала в процедурной на кушетке, а молоденькая медсестра с повязкой на лице держала ватку и пристально смотрела на нее.

– Вы меня видите? – спросила участливо она.

Марина кивнула в ответ.

– Полежите немного, я Вам сделала успокоительный укол, – и девушка вышла из кабинета.

Марина смотрела в потолок, и боль разрывала ее грудь. Взгляд ее затуманенных от слез глаз упал на мощный карниз над окном.

«Повешусь, – мелькнула дерзкая мысль, – не выйду отсюда без сыночка».

Дверь скрипнула, и вошла ночная санитарка. Она легонько присела на край кушетки.

– Не рви сердце, милая, – сказала старушка, взяв Марину за руку, – как еще моя мать говорила: «Узелок только развязался». Вот, увидишь: будут и у тебя еще детки!

– Вам легко говорить, – всхлипнув, Марина отвернулась к стенке.

– Нет, милая моя, нелегко. Ох, нелегко терять детей, тебе это каждая мать скажет. Всю себя бы отдала до краев, до последней кровинки, чтоб только живы детки были! У меня самой десять лет назад дочка родами померла, – она тяжело вздохнула, – родила двойню: мальчика и девочку... И все, все умерли! Так в гроб троих и положили... Столько я слез пролила, милая! Жить не хотела, от боли по ночам выла... Зять мой тоже сильно переживал, но потом успокоился и женился. А я осталась одна на всем белом свете! Вот и пришла сюда работать. Может быть, кому-то еще помогу, – медленно проведя шершавой ладонью по своему лицу, горестно закончила она.

Марина повернулась к санитарке и рывком прижалась к ней. Старушка обняла девушку своими грубоватыми руками:

– Ты будь сильной. Родишь еще, вот увидишь. Ты – молодая, здоровая женщина. Муж-то у тебя есть?

Марина мотнула головой:

– Нет.

– Ой, Господи-Господи. Я так и думала. А там, на лестнице, кто тебя дожидается? Мать, что ли?

– Нет, это тетя.

– Пойдем к ней, милая! Тихонечко вставай, я тебе помогу.

Они молчаливо прошли по коридору реанимационного отделения. На площадке у двери стояла тетя Лида с заплаканными глазами. Увидев племянницу, она шагнула навстречу и порывисто обняла Марину.

Станислав задумчиво отложил книгу и подумал, почему он не знал, что произошло с Верой? Сколько же ей, девятнадцатилетней девушке, пришлось пережить!

Вспомнил, как кто-то из бывших одноклассников сообщил, что она внезапно перевелась в институте на заочное отделение и переехала в другой город. А он? Что делал он в то время, когда его любимая оплакивала их сына? Да, точно, именно в апреле они путешествовали по Болгарии. Его родители подарили им с Инной туристическую путевку. Молодая жена «сдувала с него пылинки», подобралась веселая компания, солнце, море, «золотые пески»... Кажется, он был тогда счастлив. А потом, все как-то завертелось. Молодость эгоистична. Начало семейной жизни было беззаботным и веселым. Только спустя пару лет, начались громкие скандалы, театральные истерики, бытовой шантаж со стороны, вдруг переставшей быть милой и покладистой, жены... И у него появились новые друзья, новые подружки. Стас просто научился не обращать внимания на Инну и ее желание перевоспитать его. Со временем и она успокоилась, так и жили: каждый сам по себе. Ему даже казалось, что все семейные люди так живут и терпят друг друга, а большая любовь лишь в романах для сопливых девчонок. И только после сорока лет он начал замечать, что живут и по-другому. Что спешат домой с работы его сотрудники, с нежностью рассказывают в курилке о своих супругах, с гордостью показывают фотографии детей и внуков. Станислав Ильич тяжело вздохнул. Получается, потерял он свою любовь, она прошла мимо, а он даже не заметил. А что же теперь?

Купейная дверь с шумом открылась, и все та же проводница певуче сказала заученную фразу:

– Сдаем постель, через час – конечная!

– Ну, вот и все! Приехали! – усмехнулся он и стал нехотя собирать невзрачное казенное белье со смазанными печатями.

Когда Стас открыл ключом дверь своей квартиры, то с порога услышал радостный голос жены:

– Да, ладно, Димусик! Мой приедет только завтра или даже – послезавтра! Успеем еще покувыркаться! – и она кокетливо засмеялась.

Стас вошел в гостиную и увидел Инну, вальяжно развалившуюся на диване. Левым плечом она прижимала к уху трубку домашнего телефона, из которой был слышен мужской смех. Одновременно она красила ногти на ногах, взгромоздив свой сороковой размер на журнальный столик. Он оставил чемодан в прихожей и спокойно прошел мимо Инны в свою комнату. Разговор мгновенно свернулся, жена попрощалась с абонентом и в распахнутом шелковом халате размашисто пошла за не вовремя вернувшимся из командировки мужем.

– Мог бы позвонить и предупредить, – вместо приветствия язвительно сказала она, кокетливо поправляя прическу.

– Да, ну? С каких пор я должен отчитываться перед тобой? – не скрывая раздражения, ответил он, снимая плащ.

– Чтобы не ставить жену в глупое положение! Так все воспитанные люди делают, между прочим! – нравоучительно проговорила Инна.

– Ну, в умном положении ты еще никогда и не была, – не глядя на женщину, холодно ответил Стас.

Инна открыла рот, чтобы ответить, но муж продолжил:

– А, кстати, кто у нас воспитанный: ты или твой «Димусик?» – фыркнул он и раздраженно добавил. – Немедленно выйди из моей комнаты!

– Да уж точно, не ты! – противно взвизгнула она, но он с силой вытолкнул ее за дверь и повернул ручку.

Все это было до тошноты знакомо и предсказуемо. Инна начала, как обычно, кричать гадости и оскорбления в его адрес, стуча кулаками по стене. Вдруг дверь резко распахнулась, и Стас спокойно спросил:

– Где мои школьные фотографии?

От неожиданного вопроса жена замерла, а потом еще с большим азартом продолжила свой визгливый ор:

– Что, про свою Верку вспомнил? Захотел полюбоваться на несчастную любовь? Да если бы она знала, какой ты придурок и неудачник!

– И что тогда? – Стас сильно схватил жену за плечи. – Что тогда? – сердито повторил он вопрос.

– Аборт бы сделала, – уже не так громко ответила Инна и ловко вывернулась из рук растерянного мужа.

Стас вздрогнул:

– Так ты знала, что она ждала от меня ребенка?

– А че ж мне не знать? – она встала в свою любимую позу «Руки в боки». – Ты забыл, где моя мать работала? Ааааа... Дошло?

Он толкнул ее с такой брезгливостью, что Инна испуганно замолчала. Ему было сейчас противно за нее и за ее мать. И больно за себя.

«Обвели, как дурачка, – грустно подумал мужчина, – все понятно, к чему была такая спешка со свадьбой и эта ложная беременность. Теща работала в женской консультации медсестрой и узнала про Веру. Это в их планы не входило: выгодный жених мог ускользнуть».

Стас вернулся в комнату и встал, как вкопанный. Он медленным прощальным взглядом обвел свое жилище, похожее скорее на холостяцкую берлогу, а не на спальню женатого человека. На полках стояли его любимые книги, которые покупала еще мама, старенький глобус на деревянной подставке, баскетбольный мяч с подписями всей школьной команды на память. Но уже ничего не могло его задержать здесь. Он стремительно метнулся в коридор, схватил чемодан и, притащив его в комнату, стал проворно набивать самыми необходимыми вещами.

– Давай-давай, уматывай, – не унималась беспардонная Инна, – надоел ты мне, сволочь! Ну, какая же я дура, что за тебя замуж вышла!

Она с шумом прошла по большой комнате и прислушалась. Молчание мужа ее нервировало. Плеснув в хрустальный бокал любимый ликер, она крикнула в сторону закрытой двери:

– Думала, жить буду, как сыр в масле! Шубы и машины менять, как перчатки. Да, если б не твои родители, я...

– Продолжай, – выйдя из комнаты, тихо сказал Стас и уточнил, – так, что мои родители?

– А то! – женщина зло посмотрела на мужа. – Давно хотела тебе все высказать, все-все, что наболело за эти годы!

– Говори, – он стоял, держа в руке чемодан, все еще привлекательный и статный мужчина.

В свои сорок восемь, Станислав Ильич выглядел гораздо моложе своих лет.

– Я тебя внимательно слушаю, – пренебрежительно проговорил он, – что у тебя там наболело?

– Слушай-слушай! – с заметной издевкой, произнесла жена. – Да если бы твой отец не был «шишкой», думаешь, я бы позарилась на тебя! Что же мне, надо было выходить замуж за голодранца какого-нибудь и начинать жизнь в коммуналке? А твои родичи все для тебя были готовы сделать: «Хочешь, сынок, машину? Женишься, сынок, – купим квартиру!»

Стас смерил ее взглядом сверху вниз:

– Неужели из-за этого ты на меня «позарилась»? Клялась же в вечной любви, – усмехнулся он.

– Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда! – Инна с пафосом села на диван, закинув ногу на ногу, и презрительно посмотрела на мужа.

– Не пойму тебя что-то. Ты что – голодала? С родителями жила обеспечено и ни в чем не нуждалась! Одевалась лучше своих ровесниц.

– Ха! – она зло хмыкнула и поправила челку.

Потом медленно отпила ликер и привстала с дивана.

– Да что ты видел? Только обертку!

Мужчина пристально глянул на жену, прищутив глаза. Она махнула рукой и продолжила:

– Мать все деньги «вкладывала» в меня, говорила: «Товар надо лицом подавать!» Да и не все шмотки были мои, я брала у иностранных студентов в вашем институте на продажу. Пару раз надену, а потом подшаманю и – продаю! Я же – умная и практичная девочка! – и Инна довольно рассмеялась.

– Точно, все средства ушли на обертку, а внутри оказалась пустота! – Стас горько вздохнул.

Он взял ее за подбородок и посмотрел в лицо.

– Инна, – он впервые за последние годы назвал ее по имени, – ты даже глупее, чем я думал!

– А тут ты ошибаешься, дорогой мой муженек! – насмешливо выкрикнула она, стукнув его по руке. – После смерти твоей матери мы же тебя отсюда выписали и прописали в отцовской квартире! Правильно?

– Правильно! Ну и что? – совершенно без интереса спросил он и недоуменно пожал плечами.

– А то, что эта квартира теперь – моя!

– Ууууу, вон оно как, – Стас зло усмехнулся, – в этом заключается весь твой ум? И ты, бедняга, столько мучилась, чтоб за тридцать лет супружества, как ты говоришь, с неудачником и сволочью, урвать себе мою квартиру? – он взял чемодан, вышел за порог и, процедив сквозь зубы. – Дарю! – и отчаянно хлопнул дверью.

Станислав Ильич бодро спустился по ступенькам, вышел на улицу и тут он остановился.

«Куда идти? К сотруднице Нине, с которой у него продолжительные отношения? Да нет. Одно дело – с бутылочкой хорошего вина завалиться на „огонек“ к одинокой коллеге, а другое – прийти с чемоданом. И вообще, затянувшийся роман – это тупик. Нина отпадает. Отца не хочется расстраивать, он без того доживает последние месяцы: после смерти мамы он здорово сдал... Друзья? Тоже – нет. У каждого своя жизнь, и не тот сейчас момент, когда хочется отвечать на вопросы, даже участливые», – рассудил про себя он и пошел на автомобильную стоянку. Небрежно бросив чемодан на заднее сиденье, Стас сел в машину и закурил. Сколько раз он думал расстаться с Инной, даже несколько раз после скандалов уходил в первые годы семейной жизни, благо были желающие женщины принять его с одним чемоданом. Но жена его разыскивала, плакала, стояла на коленях и уговаривала вернуться домой, клятвенно обещая быть примерной и послушной. И он думал: «А, действительно, что менять шило на мыло». Теперь он понимал, что человек уходит из семьи не к кому-то, а от кого-то. Как, например, сейчас. И обратной дороги нет.

В кармане неожиданно зазвонил телефон.

– Станислав Ильич, приветствую! Ты придешь сегодня в офис или после дороги отоспишься? – бодрый голос заместителя вернул его к реальности.

– Антон, привет! Давай я завезу документы и возьму пару дней отдохнуть. Я в машине. Скоро буду!

– Отлично! Жду!

Хороший у него заместитель, Антон Викторович. И друг, и сотрудник, и подчиненный. Знакомы еще со студенчества, а работают вместе только последние лет пять. Когда освободилась вакансия заместителя, Стас позвал к себе друга юности. С ним можно поговорить по душам, а можно просто молча покурить – и это молчание порой ценнее самого задушевного разговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.